

Священник Александр Дьяченко

Дневник
Великого поста



*Светлая
проза*

«Приходят люди ко мне все больше, когда догоняет беда и, кроме как на Бога, надеяться больше не на кого. Листок за листком, так и рождаются книги жизни для одного читателя. И чем дольше на свете живет и служит священник, тем толще его книга».

Светлая проза

Александр Дьяченко
Дневник Великого поста

«Никея»

2016

УДК 821.161.1
ББК 84+86.372

Дьяченко А.

Дневник Великого поста / А. Дьяченко — «Никея»,
2016 — (Светлая проза)

ISBN 978-5-91761-818-0

«Дневник Великого поста» – новый сборник известного православного автора, священника Александра Дьяченко. Правда, на этот раз, в него вошли не рассказы, а дневниковые заметки. Центральное место в сборнике занимают постовые записи. День за днем, седмицу за седмицей читатель «проживает» вместе с батюшкой трудности, радости и искушения Великого поста, являясь одновременно как бы и свидетелем, и участником важного ежедневного события – того, как трудится душа.

УДК 821.161.1

ББК 84+86.372

ISBN 978-5-91761-818-0

© Дьяченко А., 2016

© Никея, 2016

Содержание

От автора	6
Дневник Великого поста	8
1-я седмица	9
Понедельник	9
Вторник	10
Среда	11
Четверг	12
Пятница	13
Суббота	15
Воскресенье	16
2-я седмица	19
Понедельник	19
Вторник	20
Среда	21
Четверг	24
Пятница	27
Суббота	30
Воскресенье	33
3-я седмица	36
Понедельник	36
Вторник	41
Среда	42
Четверг	43
Пятница	47
Суббота	48
Воскресенье	49
4-я седмица	52
Понедельник	52
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Священник Александр Дьяченко

Дневник Великого поста

Допущено к распространению Издательским советом Русской Православной Церкви
ИСП18-717-0645

Серия «Светлая проза»

© Брагар А. И., 2016

© Издательский дом «Никея», 2016

© ООО ТД «Никея», 2017

От автора

Дорогой читатель!

В твоих руках дневник Великого поста 2016 года и другие мои записи разных лет. В свое время, когда я писал эти тексты, совсем не думал, что все это сложится в нечто цельное и когда-то будет востребовано. Но шло время, и отдельные, часто разрозненные по смыслу, небольшие тексты начали превращаться в книжку, которая своим названием придает им общий единый смысл.

Все началось со звонка редактора одного уважаемого мной православного издания: «Батюшка, через месяц начнется Великий пост. У нас в редакции родилась такая идея. Что, если самый обычный сельский священник возьмется специально для электронного сайта нашего издания описать каждый свой постовой день. Пусть это будет хотя бы несколько слов, две-три строчки, а прочтает их человек и получит пищу для мыслей на целый день».

Честно сказать, выслушав такое предложение, я засомневался: а будет ли мне что сказать большому количеству читателей сайта такого уважаемого журнала, да еще каждый день в течение всего Великого поста? Правда, через несколько дней мне перезвонили, и все тот же человек, извинившись, сообщил, что в редакции решили отказаться от этой идеи.

Они отказались, а у меня уже появилось желание вспомнить и посмотреть свои прежние записи. Порой всего за несколькими неразборчивыми фразами, сделанными впопыхах карандашом, скрывается история целой человеческой жизни, чьей-то радости или чьих-то страданий.

Запишешь и надеешься, что через неделю вернешься к этой истории и обязательно напишешь связный рассказ, чтобы в процессе работы над ним подумать об этой встретившейся тебе судьбе. Порадоваться за человека или пожалеть его, может, даже поплакать о нем и всегда помолиться.

Хорошо, что в редакции отказались. Не получается у меня писать по заказу. Я уже пробовал. Душа не отзовется, и ничего из такой затеи не выйдет.

Начался Великий пост 2016 года, и как-то само собой стали вспоминаться какие-то события и складываться в последовательные сюжеты. Не связанный никакими обязательствами, я думал только об одном: ничего не забыть из того, о чем хотелось бы рассказать.

Писалось легко, даже когда к нам в гости на целую неделю приехали обе наши маленькие внучки. Помню, я сидел за клавиатуру, а они в это время, устроив из моей спины импровизированную горку, забирались ко мне на шею, а потом с хохотом скатывались вниз на диван.

Удивительно, но даже в такие напряженные дни поста мне хватало времени служить положенные службы в храме, посещать по домам больных прихожан, читать Псалтирь, проводить занятия воскресной школы и писать ежедневные заметки у себя в блоге.

Человек вообще на многое способен, стоит ему только организовать свой рабочий день и перестать нерадиво относиться к самой большой драгоценности – времени.

Как мог, я старался подобрать те или иные сюжеты в соответствии с реально происходящими в это время событиями в храме или в моей собственной жизни. Иногда хотелось что-то переделать из написанного прежде, добавить или сократить. По-моему, только история, которую я поместил в своем дневнике в светлый день пасхального торжества, сохранилась полностью и без изменений. Потому как на пасхальную тему ничего лучше, чем описанная здесь встреча много лет назад с мальчиком на железнодорожном вокзале, создать мне так и не удалось.

Еще во времена детства некоторые мои одноклассники, особенно девочки, имели обычай вести дневники. Это были именно личные записи, не рассчитанные на чтение чужими людьми. Я этого не делал. Теперь жалею. Мог бы запросто вернуться в свое собственное детство.

Сегодня многие ведут дневники, при этом, в отличие от нас тогдашних, стараясь вынести свои мысли и чувства на всеобщее прочтение. Священники не становятся здесь исключением. И мы рассказываем о своих наблюдениях в надежде, что наши «мысли вслух» и наши выводы могут кому-то пригодиться. Хотя бы для того, чтобы, читая, сравнивать их со своими собственными мыслями и делать какие-то свои выводы. В любом случае это интересно и небесполезно.

*С уважением к тебе, мой дорогой читатель,
автор, священник Александр Дьяченко*

Дневник Великого поста

1-я седмица (14–20 марта)

Понедельник Начало поста

Еще в конце прошлой недели меня попросили молиться об одном молодом человеке, жителе славного города Санкт-Петербурга по имени Максим. Раньше я ничего о нем не слышал, он знакомый моих друзей. Друзья и попросили. Двадцать семь лет, кровоизлияние в мозг. Так бывает: истончается какой-нибудь сосуд в голове, а потом при неблагоприятных условиях лопается, и тогда, как правило, смерть.

Его родители по причине болезненности младшего сына переехали жить на Черное море, а Максим остался в суровом Петербурге. Удар случился внезапно, мама тут же примчалась, он уже лежал в коме. Сделали операцию, но мозг умер. Пару дней тело оставалось подключенным к аппарату искусственного дыхания. Вчера, на Прощеное воскресенье, аппарат отключили. Денег на похороны в обрез, потому меня и попросили отпеть его заочно. Сегодня после утренней службы совершил отпевание. Пока ломал голову, как передать освященную землю, узнал, что еще при жизни Максим просил в случае смерти тело его сжечь, а прах развеять вдоль Финского залива. Залив – его любимое место.

Вспомнился рассказ одного человека. В советские годы он много лет отработал в крематории при Донском монастыре, здесь же недалеко он и жил. Помню, в рассказе меня поразила такая подробность: оказывается, хуже всего горит сердце. Порой от костей уже ничего не осталось, а сердце все еще сохраняет форму. Приходилось, чтобы сжечь, резать его на куски.

Сердце. Знал одного ветерана войны. Человек воевал, начиная с белофинской и аж до победного конца в 1945-м. Шесть лет. Вернулся с войны и никогда ни на что не жаловался. Перед самой кончиной с ним случился обширный инфаркт, и его привезли в больницу. Так оказалось, что в приемном покое нет его регистрационной карточки. За всю жизнь этот человек ни разу не обратился к врачам. Уже потом, после вскрытия, врач нашел его дочь и сказал:

– У вашего отца все сердце покрыто шрамами от инфарктов. Я думаю, это все война. Непонятно, как он вообще жил с таким мотором.

Когда собрались хоронить, народу пришлось проститься видимо-невидимо. Хотели за гробом нести его награды, у него одних только орденов Славы две штуки, не считая всего остального. Сунулись – нет наград. Оказалось, когда за ордена платили, тогда ветераны их берегли, а как перестали платить, ордена вместо игрушек отдали детям.

Отец Виктор долго молчал, а вчера отзвонился. Просили друг у друга прощения. Только что выписался из больницы, тоже инфаркт. Тяжелая это работа – Родину защищать.

Все не выходит у меня из головы этот молодой человек по имени Максим. Единственный петербуржец, которого пускай хотя бы так, заочно, я проводил в последний путь. А что, если мы с ним пересекались, пускай случайно, в том же самом Петербурге? Хотя бы однажды. Я четыре раза был в этом городе. Может, тот молодой человек, что уступил мне место в метро, это был он? А может, я видел его в каком-нибудь кафе, или на Смоленском кладбище, или на Карповке, 45? В любом случае просто так меня бы не попросили его отпеть и уж точно я бы о нем не молился. Теперь у человека нет даже могилы, а я никогда не увижу его глаз хотя бы на фотографии. Всякий раз вот так, постфактум, думаешь, как важно вглядываться друг в друга, а мы только и делаем, что палимся в свои смартфоны.

А еще у меня сегодня снова праздник: семнадцать лет назад – тогда это было воскресенье Крестопоклонное – меня рукоположили в диакона.

Вторник

Временная абберрация

Великий пост открывает перед человеком удивительную возможность – почти на два месяца выйти из общего временного потока. Выйти, встать в сторонке и наблюдать за тем, как мимо, словно во дни половодья, с растаявшим снегом несутся всевозможные щепки, пустые пластиковые бутылки, куски строительной пены и прочий ненужный мусор. Еще вчера ты сам, словно шарик из непотопляемого пенопласта, так же несясь в потоке событий и дел, следил за новостями, смотрел очередную серию про «ментов или бандитов», переживал, как сыграет «Зенит» на выезде, а сейчас ты остановился. Стоишь в стороне от потока, и чем дольше стоишь, тем дальше он от тебя становится.

Так и земная жизнь любого из нас рано или поздно упирается в какую-нибудь точку на берегу и останавливается. Вчера я писал о молодом человеке, жизнь которого закончилась внезапно, всего в двадцать семь лет. Это в два раза меньше, чем мне сейчас. Он завещал себя кремировать, а прах развеять над Финским заливом.

В прошлом году отпевал учителя. Сколько ему было лет? Не знаю, потому что отпевать пришлось прах в красивой урне фиолетового цвета. Помню, как беспокоились его ученики: привезут прах учителя назад на родину или он останется в Германии. Уже в возрасте этот человек женился и перебрался в Европу, а ученики продолжали его любить, и всякий его приезд домой на побывку превращался для них в праздник. Заболев неизлечимой болезнью, учитель пришел к вере. Ездил куда-то в другой немецкий город, где имеется русский православный приход, и принял крещение. Умирая христианином, завещал похоронить его здесь на родине, рядом с отцом, предварительно отпев в нашем храме. Его жена, немка, не христианка, чтобы исполнить волю усопшего, вынуждена была кремировать тело мужа и самолетом везти сюда к нам. Я назначил время отпевания и потом еще вдогонку принял с десятков звонков от разных людей. Звонили уточнить, когда состоится отпевание. К назначенному часу храм был полон, словно мы собрались служить праздничную литургию.

Несколько месяцев спустя я был на кладбище, где похоронили этого учителя. Ездил к своим друзьям помолиться у них на могилках. Показали мне и его холмик, тоже помянул. Буквально в тот же день мне подарили старинную икону святителя Николая. Учителя звали Николай, и эту икону он оставил после себя на память одной из своих учениц.

– Батюшка, пускай она будет у вас.

Я отреставрировал подаренный мне образ святителя Николая, повесил у себя в комнате и теперь уже сам поминаю их учителя.

Молишься и думаешь: как хорошо оставлять о себе память – в друзьях, в делах, в учениках. Делать так, чтобы люди были тебе благодарны.

Мы с дочерью идем по новому городскому кладбищу. Оно существует уже лет пятнадцать взамен уже закрытого старого. Новое кладбище устроено по-новому, со своими порядками. Здесь нет привычных оградок, как на старом кладбище, а могилки на западный манер располагаются длинными рядами. Широкие проходы, и еще совсем нет деревьев. Вообще ни одного на огромной площадке, со всех сторон окруженной густым высоким лесом.

Идем, и вдруг слышу:

– Ой! Папа, смотри, Петрович, мой учитель математики!

На фотографии, что на памятнике, знакомое лицо. Точно, я его помню.

– Еще не старый. Ты говорила, он сильно выпивал. Может, потому так рано и умер?

– Да, Петрович пил знатно. Только знаешь, при всем при том он был настоящим учителем. Неравнодушным. Когда в старших классах вы перевели меня в другую школу, я сильно отставала по математике. Так представь, Петрович две недели сам, по собственной инициативе, безо всякой оплаты занимался со мной своим предметом. Благодаря ему ни в школе, ни в академии у меня никогда не было проблем с математикой. Мыслимое ли это дело, чтобы сегодня вот так, бесплатно! Царство тебе Небесное, Петрович, мой учитель. Спасибо тебе за все.

Я тоже перекрестился. Надо будет запомнить его могилку. Нет, все-таки должно что-то оставаться от каждого из нас, хотя бы такой вот скромный холмик с надписью: «Раб Божий Николай» или «Раб Божий Петрович». Чтобы те, кто еще помнит, могли о тебе помолиться. С благодарностью.

А Финский залив – это все наша гордыня и юношеский максимализм.

Среда Бездельники

Вечером идем с матушкой на великое повечерие читать канон преподобного Андрея Критского. В этом году решили службу вечером на первой седмице поста начинать на полчаса позже обычного. Вот уж действительно «по просьбам трудящихся». Это для того, чтобы те, кто работает, успевали в храм на молитву. Идем, а скользко. Март. То он теплый и все начинает таять, то холодом дорогу прижмет и снова хоть коньки надевай. От поселка, где большей частью живут наши прихожане, до храма самое малое километр-полтора. Народ и скользит до деревни, пробираясь по самой обочине. И все равно идут.

Подходим. В самой деревне через дорогу напротив храма стоит и курит наш сосед Александр Иванович. Мы с ним почти ровесники. Только один из нас на несколько лет старше, а другой, выходит, младше. Только кто старше, а кто младше, я уже не помню. Он часто так: откроет свою калитку, выйдет на улицу и курит. Кто из знакомых мимо идет – поздоровается или тоже остановится рядом с ним и закурит. Вот уже и общение получается, а то огордился народ заборами – и надо бы, а не достучишься.

Александр Иванович – один из немногих моих знакомых, кому я реально завидую. Сознаюсь в этом чистосердечно. А все потому, что Иваныч приходится родным внуком святому новомученику, который до войны служил в нашем храме и был расстрелян на полигоне в Бутово. Вдуматься только: твой дед – святой, Божий человек, чье имя внесено во все православные святцы! Мне, если нужда такая кому из святых помолиться, молебен надо служить, а Иванычу стоит только подойти к иконе собственного дедушки и попросить. Это как мои внуки – подбегут и давай меня за рубаху дергать: «Дед, а дед! Помоги!» Внукам-то, да разве им в чем откажешь!

Среди моих предков святых нет. Правда, по папиной крестьянской линии и дед, и бабушка, и тетка мои были люди молящиеся и глубоко верующие. А по маминой – сплошь расхристанные пролетарии. Шестнадцать лет у престола стою и все удивляюсь: как это я священником стал?

Коренные перемены, случившиеся у нас в стране в конце прошлого века, кардинальным образом изменили и мою жизнь. А Иванович, прямой потомок святого мученика, в церковь не ходит. Живет через дорогу от храма, а туда, где дед его двадцать лет Богу служил, откуда его забрали и увезли на казнь, туда ни ногой.

Сегодня прохожу мимо соседа и приглашаю:

– Иваныч, пойдем с нами! Служба сегодня замечательная, покаянный канон читать будем. Пойдем, дорогой, помолимся!

– В храм, молиться?! – Лицо соседа теряет привычное благодушие. – Молиться! Когда молиться-то, делов полно! Чего только не надо, все надо! Сейчас беру машину – и в поселок. Я

же не бездельник, не дармоед какой-нибудь, мне дела делать надо, – бросил окурок и скрылся у себя за забором.

Иду в храм, а у самого в голове крутится: «дармоед», «бездельник». На самом деле, что я, священник, такого делаю? Сталь не лью, мебель не собираю, рейсовый автобус не вожу. Прав, получается, Иваныч – самый что ни на есть «дармоед» и есть.

Прихожу, а мой алтарник уже на месте. Я шучу:

– Ты что, и домой не ходил?

– А что там, дома-то, делать? Сейчас умная техника все дела за тебя сделает. Белье постирать – машина, еду приготовить – машина, даже грязную посуду, и ту она за тобой помост. Красота! Так что, пока дача не растаяла, можно и побездельничать.

Думаю, вот, пожалуйста, и мой алтарник себя бездельником считает.

Пока готовимся к службе, расставляем все по местам и зажигаем лампадки, в храм подтягивается народ. Наши верующие люди в основном пожилые, пенсионеры, но есть и работающие, приходят и молодые. Кто-то вырывается в церковь от случая к случаю, кто-то не пропускает ни одной службы. Для многих отрада после рабочего дня попасть в церковь на канон преподобного Андрея Критского. Стоять в полумраке, слушая певцов и чтение Псалтири, самим совершать поклоны. Лица хоть и уставшие, а в то же время радостные, одухотворенные. Верующие рассредоточились по всему храму, многие уже зажгли свечи и ждут. Иду на амвон, по ходу смотрю на прихожан. Я знаю их много лет, а они знают меня. Мы доверяем друг другу, и от этого доверия на душе покойно.

– Здравствуйте, мои дорогие («бездельники» – это я проговариваю про себя), пожалуй, пора начинать.

– Пора, батюшка, – отзывается храм.

Я поворачиваюсь к царским вратам и крещусь. Такое чувство, словно не было этих шестнадцати лет. Мой первый Великий пост, и все еще только начинается:

– Благословен Бог наш всегда, ныне и присно, и во веки веков!

Четверг Шалуны

Наш деревенский храм сохранился лишь потому, что никому не мешал. Даже поселок, где проживает львиная доля наших прихожан, и тот начали строить в двух километрах от нас на месте бывшей деревни Старово.

Днем до нас добираться нетрудно, дорога хоть и никудышная, но ее видно. Вечером хоть плачь. Мало того, что сплошь колдыри да колдобины, так еще ж и темень хоть глаз коли. Раньше такого движения не было, а сейчас земли вокруг скупили москвичи и понастроили дач. На выходные в нашу сторону движутся целые караваны из автомобилей – дорогу и разбили. Весной речка выходит из берегов и всю пойму, как правило, заливают водой. Дорога хоть и с трудом, но выдерживает. Положить асфальт дорого, да и народ наш в массе своей, как ни странно, против этой затеи. Смотрят, как пьяная молодежь гоняет по бездорожью, и прикидывают, что начнется, если асфальт положить. Уж лучше по лужам, зато живым. Единственно, это участок дороги, длиной с полкилометра, совсем дремучий. Проходит он как раз вдоль реки, а по обеим его сторонам вымахали высоченные ивы.

Идешь по такой дороге в окружении зарослей ивняка, особенно если зимой, так до того красиво, что и шел бы себе и шел. Но опять-таки, речка в этом месте петляет, потому и дорога делает резкий поворот. Местные об этом знают, а приедем, бывает, и достается. Едешь в сумерках, на секунду расслабился, а еще и газку поддал, вот в мост и не вписался. Утром народ идет в деревню, а рядом с мостом на деревьях висит чья-нибудь легковушка. Прошлой зимой,

когда дорогу от деревьев расчищали, в этом месте рядом с мостом решили оставить все как есть, иначе машины уже из речки придется вылавливать.

Однажды, в какую-то особо темную пору года, прихожане поставили передо мной вопрос:

– Батюшка, как бы нам дорогу подсветить? Особенно в самом темном месте. По вечерам со службы, сам знаешь, на ощупь ходим. Ты священник, тебя начальство послушает.

С того дня и стали мы со старостой ходить по разным инстанциям. Долго ходили и поняли: ничего у нас не получится. Тогда в один из постов начали молиться сугубо. Помогите нам, Господи! Помог. Сын нашей прихожанки, армянской бабушки, по маминой просьбе закупил столбы и все необходимое для того, чтобы провести свет. Нанял рабочих, те вкопали столбы, подвели провода. На этом дело застопорилось. Нужно получать разрешение на подключение электричества. А еще выяснилось, что и сам участок дороги территориально относится к другой администрации, потому еще целых два года мы с переменным успехом занимались тем, что оформляли землю – полметра на полметра – под каждым из семи столбов. И вот наконец прошлой осенью, после четырех лет непрерывного хождения по мукам, наши фонари зажглись. Возвращаешься вечером со службы, идешь и купаешься в лучах света. Казалось бы, обычные фонари, а сколько радости!

Зачем я об этом пишу? В этом году перед Великим постом какой-то добрый человек расстрелял все наши семь фонарей. Вот так взял и просто расстрелял. Сколько времени понадобилось, чтобы дорога к храму вновь погрузилась во тьму? Не знаю, минут за пять наверняка управился. Это создавать долго и тяжело, а разрушить, так это на раз. А спроси его: добрый человек, чем тебе помешали наши фонарики? Не ответит. Потому что сам не знает. Может, даже и раскаивается, только дело уже сделано. И назад не переиграешь.

Помню, у нас в поселке несколько подростков поздно вечером забрались в детский сад. Забрались и разгромили все, до чего смогли дотянуться их ручки. Уже после того, как этих ребят нашли, а родители оплатили ущерб, двое из погромщиков пришли в церковь. Я с ними разговаривал:

– Когда-то вы сами малышами ходили в этот садик. Может, вас там обижали?

– Нет, не обижали.

– Тогда зачем вы устроили погром?

Плечами пожимают, и сказать нечего.

Пятница

Однажды зимой 2001 года

Давно дело было, в самом начале 2001 года. Своей машины у меня тогда еще не было, а нужно было куда-то ехать и причащать умирающего человека.

Помню, даже будучи вторым священником, я не собирался еще садиться за руль. Это уже потом, когда я стал настоятелем разрушенного храма, который нам только предстояло восстановить, передо мной встала задача приобрести автомобиль и научиться его водить.

Сначала у нас появились «жигули» какого-то очень древнего года. Машина была еще та, старинная, настоящая. «Двойка»-универсал. Только от старости в ней все изнашивалось до такой степени, что ремонтировать приходилось ее через день.

Наши умельцы с автомобилем особо не церемонились. Если нужно было посмотреть что-нибудь в ходовой части, они преспокойно переворачивали его набок, подпирали с одной из сторон куском толстой доски и чинили. Сейчас думаю: как он вообще у нас ездил? И ведь ездил. Сколько мы на нем одного только цементу перевезли.

Первая настоящая машина появилась у нас на приходе только через три года после моего назначения настоятелем. И появилась она самым неожиданным образом. Один из наших сосе-

дей, дачник из Москвы, человек тогда состоятельный, имел пристрастие, которое никак не мог в себе побороть. Его постоянно тянуло играть в азартные игры.

Всякий раз, проигравшись в рулетку, он возвращался к нам в деревню, находил меня и начинал рассказывать, где и в какой момент он ошибся и как поставил фишки не туда, куда следовало. Потом, клятвенно заверив меня, что все, с рулеткой покончено раз и навсегда, отправлялся к себе на дачу.

Какое-то время он и в самом деле держался, но потом срывался и снова начинал играть. Он был очень состоятельным человеком, потому что проигрывать такие суммы мог позволить себе только богач.

Однажды он, сорвавшись, снова играл, но, в отличие от многочисленных проигрышей, на этот раз ему удалось выиграть. Факт выигрыша его тоже не обрадовал. Он нашел меня, достал из кармана деньги и, вручая их, сказал:

– На что хочешь, туда и пускай.

Я подумал и сказал:

– Нам машина нужна, «двойка»-универсал совсем развалилась.

– Хорошо, покупайте машину.

Мы с товарищем поехали в областной центр и купили новую «Иж-Оду». Очень хорошая была машина, а главное – емкая. Мы на нее еще и сверху багажник поставили. С тех пор теперь привезти тридцать метров оцинкованной трубы для дождевых сливов, кубометр доски или шесть мешков цемента особого труда для нас не составляло.

Еще на этой машине в течение трех лет я ездил за сто километров туда и обратно преподавать в семинарию. Ездил, невзирая на погоду, пока однажды зимой на федеральной трассе меня не закрутило и не выкинуло в кювет. Бог миловал, могло бы и на встречу.

Все это было потом, а тогда зимним холодным днем в тот далекий 2001 год я стоял на обочине скоростного шоссе и голосовал в надежде, что кто-нибудь остановится. Я в облачении и с саквояжем.

Машин много, и все проносятся мимо. Стою, считаю. Даже для себя формулу такую вывел, что останавливается приблизительно каждая трехсотая машина. Но вот уже и четырехсотая пролетела, а я все стою. Холодно. Начинаю роптать, как же так, Господи, ведь я к умирающему еду, мне бы успеть, а никто не остановится.

Наконец где-то после пятисотого номера рядом со мной останавливается легковушка. В ней двое молодых людей, он и она. Едем, они сидят как сычи, между собой словом не перекинутся. Со мной общаются, а друг с другом – никак. Тогда начинаю расспрашивать, так исподволь, ненавязчиво, что это вы, мол, ребята, насупившись едете? И здесь их точно прорвало. Оказывается, поругались, да так, что дело чуть ли не до развода дошло. А мне уже скоро выходить. Пришлось останавливаться и мирить. Что вы думаете? Помирились. Заставил просить друг у друга прощения, а когда уже начали обниматься, ушел снова ловить машину. Три километра в сторону от основной трассы.

Это я к тому, что Господь знает, какой машине, когда и в каком месте нужно остановиться.

Тот дачник-москвич, что машину нам подарил, совсем обеднел. Денег порой даже на еду не хватает. Сперва он стал занимать у соседей. Те дают, а он не возвращает. Никто ему уже не верит. Тогда он пришел ко мне.

– Бать, выручи, дай займы, я отдам, потом, обязательно. Вот только из кризиса вылезу.

Я ему никогда не отказываю и не требую, чтобы вернул. Ему стыдно, а деваться некуда, и снова идет.

– Я обязательно верну.

– Не надо, не возвращай. Это мы тебе должны. Если бы не твоя «Иж-Ода», ничего бы мы не построили.

Суббота Имя для Христа

Года полтора назад в храм пришел старый человек и сказал, что хочет поговорить с батюшкой. Меня позвали.

– Батюшка, дело у меня к тебе такое, я бы даже сказал, деликатное. Как видишь, я уже старик, мне помирать скоро, а хочется, чтобы отпели. Ты понимаешь?

– Да, конечно, понимаю. Решили заранее побеспокоиться?

– Ну да. Только тут такая закавыка получается, меня Адольфом зовут. А как в детстве бабка крестила, не знаю. Тогда не поинтересовался, а сейчас никто уже и не скажет. Вот и чего прикажешь делать, по второму разу креститься?

Я успокоил пожилого человека, который еще задолго до войны с немцами получил свое звучное имя. Тогда никто и не думал, что со временем оно станет для нас, русских, почти ругательным.

– Крестить мы вас больше не будем. А поступим следующим образом: вы готовитесь к исповеди и причастию. Перед исповедью мы наречем вам новое христианское имя взамен того, забытого, и вы с этим новым именем причаститесь.

Старик обрадовался и ушел готовиться к исповеди. Недели две готовился, пришел на воскресную службу в костюме, белой рубашке и при галстук. Пришел Адольфом, а ушел Анатолием.

– Вы только обязательно расскажите вашим детям, что теперь у вас новое христианское имя.

– Батюшка, за это не переживай, я им от себя специальную бумагу оставлю. Опишу все подробнейшим образом.

Я представил, каково было человеку прожить жизнь в нашей стране с именем Адольф. Во время войны он был уже подростком. Наверняка ребята дразнили. А каково на фронте было воевать с таким-то именем?

В свое время мой друг-киносценарист, вынашивая идею экранизации моих рассказов, заранее дал прочитать что-то из написанного своим друзьям-артистам и однажды вместе с ними приехал к нам на литургию. Тогда мне и посчастливилось познакомиться с Александром Адольфовичем Ильиным. Во время обеда он рассказал мне историю про своего отца-фронтовика.

Однажды в бою, когда наши войска уже рвались на запад, пехотинец Адольф Ильин пленил немецкого солдата. Хотел сдать его особистам, да те во время боев предпочитали отсиживаться за войсками в тылу. А бойцы наступают, и пленный немец наступает вместе со своим «хозяином». А что с ним делать, с немцем-то этим? Расстрелять? Вроде как жалко, человек все-таки. Ладно – и решил дожидаться особистов. Война – дело такое: ты наступаешь, на тебя наступают. Когда немцы шли в контратаки, тогда и пленный вместе с рядовым Ильиным зарывался в землю и разве что только не отстреливался от бывших своих сослуживцев. Что делать, жить-то хочется.

Прошло несколько дней. Особисты на передовую линию не спешили. В один из таких дней Ильин и решил поговорить со своим пленником. Не знаю, как они общались между собой, но как-то общались. Приблизительно это было так:

– Слушай, фриц, как тебя зовут?

– Я не Фриц. А зовут меня Иосиф, как вашего самого главного.

– Иосиф?! Ну и дела!

– Да, а тебя как звать? Иван?

– Какой Иван?! Меня зовут, как вашего самого главного. Адольфом меня зовут!

Оба солдата в изумлении задумались и замолчали.

– Ну и дела! Если я русский и Адольф, а ты немец и Иосиф, так что же мы, дураки такие, воюем, а? И в Германии, и в Советском Союзе люди носят одни и те же имена и ненавидят друг друга. Неправильно это!

И решили два бывших врага немедленно покончить с этой неправдой. Достал Адольф кисет с русским табаком, сам закурил и немца угостил. Было б что выпить, наверняка бы выпили.

– Мы бы с ним точно выпили, – сетовал потом Адольф Ильин, – да не успели. На фронте установилось затишье, и снова в расположении появились особы.

Сегодня вечером на службе ко мне подошел мужчина. Лицо знакомое, а кто он, не знаю.

– Батюшка, нам бы дедушку отпеть. Завтра хороним.

– А как дедушку звали?

– Адольф Иванович. Ой, нет! – Мужчина достает из кармана сложенный лист бумаги, разворачивает и показывает мне. – Вот, это он специально для нас такое напоминание оставил и повесил у себя над кроватью.

«Для Христа мое имя теперь – Анатолий».

Воскресенье **Небесная страховка**

Тяжело здоровым и сильным видеть людей страдающих. Даже если ты не очень здоров, но сам на собственных ногах вполне еще способен дойти в храм на службу, вид человека откровенно больного вызывает у тебя сочувствие. Подумаешь про такого страдальца: эх, бедный, помоги тебе Бог! А если дети болеют или люди совсем еще молодые? Увидишь такого в храме среди молящихся, хочется тебе или нет, а на языке так и крутится: «Как же так, Господи?» И что, ничего уже не сделать и никак не помочь?

Месяца три назад мы служили воскресную литургию, и я обратил внимание на молоденькую девушку. Лет шестнадцати, наверное, хотя с годами мне все сложнее угадать возраст молодых людей. В юности мог безошибочно сказать, сколько человеку лет, а сейчас уже не попадаю. Посмотришь – маленькая, худенькая, – а у нее уже двое своих ребятишек, а то и трое. Потому и не берусь угадывать. А у этой личико еще такое детское и фигурка еще неформившаяся, как у подростка. Главное, на лице очки с толстыми линзами, а один глаз и вовсе закрыт. Такое впечатление, будто веки на закрытом глазе пришиты одно к другому. Увидел, и резануло. Полуслепая, как ей дальше жить? Девочка, ей семью создавать, а еще и профессию получать надо. И про родителей подумалось, и про дедушек с бабушками. Всех вспомнил тут же во мгновение ока. Просто если сам уже побывал во всех этих ипостасях, легко представить себя на месте каждого. И на каждом месте ощущаешь боль. Стоит, молится, головку наклонила. Рядом пожилая женщина. Бабушка, наверное. В одиночку ей до нас не дойти. Порой сетуешь на себя и сетуешь. Столько лет в храме, а даров у тебя нет и никогда не будет. Это те, древние, могли исцелять, даже усопших из гробов поднимали. Мы, нынешние, для подвигов не годимся. Потому даров у нас нет. Хотел спросить ее имя, но после службы сразу, не подходя к кресту, девочка ушла.

Потом я видел ее еще раз и еще, но ко мне она не подходила. Может, стеснялась? Но все равно, даже не зная имени, я поминал ее на проскомидии как «девочку в очках». Вдруг вижу, на одной из служб она смотрит на меня хоть и в очках, но двумя открывшимися глазами. Как я обрадовался! У нее большие серые глазки, они смотрят на меня во время проповеди. В этих глазах интерес к тому, что говорит священник.

В тот же день после службы в трапезной мне рассказали историю этой девочки.

– Батюшка, вы, наверное, обратили внимание на девочку в очках? Последнее время она приходит к нам в храм на службы.

– Конечно, обратил. И видел, что сегодня она смотрит уже обоими глазками, и очень порадовался этому факту. Вы ее знаете?

– Лично нет, мне тетя Маша о ней рассказывала. Она дружит с ее бабушкой. Девочка с детства носит очки. И никогда раньше этим не тяготилась, а как наступил переходный возраст, начала стесняться. Каждому подростку хочется выглядеть получше. Даже если внешние данные у него неплохие, все равно отыщет в себе какой-нибудь «изъян» и будет комплексовать.

Вот и эта девочка. Стала стесняться очков: мол, они ее портят. Решила от них отказаться и начать пользоваться линзами. В какой-то фирме через интернет выписала себе подходящие линзы и заказала их по почте. Получила наложенным платежом, стала носить. Чувствует, что-то не то. Оказалось, вместо фирменного продукта мошенники подсунули контрафакт. Подложные линзы были сделаны из материала не просто хуже фирменного, а еще и смертельно опасного для глаз. Ребенок терпел до последнего, а когда взрослые спохватились, было уже поздно. Вернее, спохватились на самой временной границе, еще чуть-чуть – и девочка ослепнет.

Воспалились оба глаза, один вообще перестал видеть. Случись такое в большом городе, где еще действуют медицинские учреждения, и то сразу не сориентируешься, а здесь-то у нас, в деревне! Хорошо, отец сообразил: нужно, минуя районную больничку, напрямую мчаться в областной центр. Перед тем как отправиться, забежали к бабушке Маше:

– Тетя Маша, молись, Христа ради! Наудачу едем, как и куда, не знаем! Ты в храм ходишь, на тебя вся надежда!

И помчались, а тетя Маша взялась за Псалтирь.

Приехали в область. Там местные окулисты посмотрели. Нет. Мы со своим оборудованием и уровнем подготовки вам не поможем. Единственная надежда на Москву. Поезжайте туда-то и туда-то, вот вам адрес, но такие операции обычно делаются по квоте, а кому надо срочно, то за наличные деньги. Не заезжая домой, сразу отправились в столицу по указанному адресу. Получить квоту на операцию можно, но это потребует времени на собирание анализов, хождение по кабинетам, а потом еще и очередь. В области им сказали приблизительную стоимость операции, если делать ее, минуя квоту. Деньги подъемные, если пойти по друзьям да родственникам, собрать можно, но все упиралось во время. Беда нагрянула слишком неожиданно.

Московские врачи приняли больную, экстренно осмотрели и заявили о необходимости срочного хирургического вмешательства. О деньгах вопрос никто не поднимал. Просто сказали: пока будут заниматься девочкой, родителям нужно пройти в такой-то кабинет и оговорить все формальности.

Женщина, принявшая их, поинтересовалась, могут ли родственники оплатить операцию? Те начали было просить дать им время, чтобы вернуться домой и собрать необходимую сумму. Тогда врач попросила подождать, кому-то позвонила, потом, выйдя из кабинета, подозвала родителей и сказала:

– Вам повезло. Случай с вашей девочкой подходит под программу помощи одного из благотворительных фондов, и все лечение ей проведут бесплатно.

Один, наиболее пострадавший глаз прооперировали и зашили на целый год. Вторым лечили медицинскими препаратами. Девочка пришла к нам в храм как раз незадолго до того, как ей сняли швы и открыли глазик. Зрение у ребенка восстановилось, а родители теперь считают тетю Машу святой.

История меня заинтересовала, и я решил поговорить с нашей прихожанкой. При первой же встрече спросил, что там было на самом деле и о том, как она тогда молилась.

– Батюшка, дорогой, я здесь совершенно ни при чем. Молилась как обычно. Думаю, не во мне причина, что все обошлось благополучно. Девочку оперировали бесплатно за деньги, собранные благотворительным фондом. А я знаю точно, что у нее дед с бабушкой каждый чет-

верг в «день добрых дел», что проводится на петербургском телевидении, со своих телефонов посылают, не знаю, сколько там, по тридцать рублей или по сорок, на лечение таких вот страдающих детей. Получается, все это время они вроде как «страховку» за свою внучку вносили. А когда самим понадобилось, Господь собрал эти копейки и расплатился сполна за глаза их собственной внучки.

Сегодня, в день Торжества Православия, девочка снова была в храме. Очки она почему-то не носит. Я заметил, что во время моих проповедей она подходит к амвону все ближе. И хотя еще не решается, верю, придет день, когда мы поговорим с ней на равных. А сегодня во время проповеди смотрел в ее серые глазки, и мне казалось, что прекрасней их я еще не встречал.

2-я седмица (21–27 марта)

Понедельник Венчик

Прежде чем приехать к нам в храм, она позвонила мне и попросила разрешения. А еще до звонка меня отыскал ее родственник и сказал, что его сестра хочет со мной поговорить. Мол, у нее очень большая проблема, она в отчаянии и не знает, что делать, а тревожить незнакомого человека, тем более священника, ей неудобно. Я ответил, что пускай приезжает и ни о чем не беспокоится, я постараюсь сделать все, что в моих силах. Только после этого она решилась позвонить.

– Батюшка... – Голос ровный и без эмоций. Такое впечатление, что со мной разговаривает робот с женским голосом. – Венчик, мы похоронили его без венчика. Я пришла в церковь и прошу, дайте мне венчик, а мне не дают. Как же он там будет без венчика? Можно я к вам приеду? Вы дадите мне венчик?

– Приезжайте, я дам вам венчик.

Зима. Вечер субботы, после всенощного бдения. Я отпускаю последних исповедников, и в храме остаемся только я и она. Подходит.

– Батюшка, это я вам звонила.

Среднего для женщины роста, волосы собраны сзади в хвостик и перехвачены резинкой. Сосредоточена. На ней темная зимняя куртка. Черный свитер, черного цвета джинсы и такого же цвета сапоги. Но черная одежда не всегда признак скорби. Сразу видно, если человек носит траур. Скорее это ее обычная одежда.

– Батюшка, это я вам звонила. У меня умер муж. На прошлой неделе схоронили. А венчик не положили. Теперь вот переживаю.

– Почему положили? Если отпевали, значит, должны были положить.

Слушая меня, она смотрела немного в сторону, а разговаривая, старалась не встречаться со мною взглядом.

– Его не отпевали, он самоубийца.

– Ах, вот как...

– Да. Разбил телевизор, видеомэгнитофон и ушел. Утром его нашли в гараже уже холодным.

– Пьяный был?

– Наверное. А может, и нет. Последнее время он вообще ходил сам не свой. Я же его давно знаю. Мы с ним еще со школы дружили. Он красивый был, высокий такой. Мой Ванечка. Мне все девчонки завидовали. Говорили: «Нет, ты ему не пара, он парень видный, а ты обыкновенная». Всегда боялась, что отобьют. А он верный, одну меня любил. Я его из армии ждала. Школу закончили, его и призвали. Потом война в Чечне. Как я переживала! В церковь бегала свечки ставить. Подойду к иконе и прошу: «Пожалуйста, сохрани моего Ванечку. Пусть вернется, каким угодно, пускай даже без руки или ноги, но только чтобы вернулся». Он вернулся. Руки-ноги целы, а внутри словно что-то убили. Первое время ходил и все молчал. Раньше-то он любил посмеяться, пошутить, а тут молчит и молчит. Еще и выпивать начал. Мне не нравилось, что он пил, и родителям его тоже не нравилось. Мать мне его и говорит: хватит мужику дурью маяться. Бери его, девка, в оборот да тащи в ЗАГС. Сыграли свадьбу. Он на

работу вышел, а я сразу понесла и в ожидании родов сидела дома. Родилась девочка. Я даже не думала, что мой Ванечка будет таким отцом. Он еще до того, как дитя родилось, вокруг меня как вокруг елки ходил да пылинки сдувал. Ничего делать не позволял, а как малышка появилась, все, она только его руки и знала. А выпивать все равно выпивал, не так, как сразу после армии, но прикладывался, иногда изрядно. Начну ему выговаривать, а он: «Мне так легче. Трезвым закрою глаза, и снова война, как будто наяву».

Жалела я его, а чтобы он на сторону пить не ходил, составляла мужу компанию. Сперва редко, потом все чаще. Втянулись и стали выпивать вместе. Отсюда и ссоры и все такое прочее. Дело дошло чуть не до развода. Однажды Ванечка посадил меня за стол, сел напротив и говорит: «Так дальше жить нельзя. Если мы будем с тобой на пару пить, то семья наша развалится. А я вас с дочкой люблю и терять не хочу. Короче, пить у нас в семье будет кто-то один. И это буду я, и то самую малость, а тебе – все, с этого дня ни грамма!»

С этого дня мы снова стали жить по-человечески. И родилась у нас вторая девочка. Семья увеличивается, нужно расширяться. Взяли ипотеку, купили квартиру. Тут и мужу предложили место с хорошей зарплатой, только от дома далековато. Он согласился и уезжал от нас на целую неделю, а то и на две. Приедет, пару дней дома побудет – и опять на работу. Год так отработал, второй, третий, а потом затосковал. «Не могу, – говорит, – так больше. Не могу без тебя и без наших девчонок. Мне кажется, что у меня душа от тоски уже черная, как бы беды я какой не натворил».

Что делать? «Тогда, – говорю ему, – возвращайся домой. Будем как все, маленькую в садик отдадим, я на работу выйду, благо прежнее место за мной еще сохраняется. Все так живут, и мы с тобой жить будем». Он вернулся, стал работу искать, а оказывается, что нигде не нужен. В одно место сунулся, в другое. Не нужен. У мужика руки золотые, начал калымить. Месяц поработал, зима, калымы кончились, и он сел. Сперва сел, потом лег. Я ему: «Вставай, Ванечка, работу искать надо. За квартиру платить надо». А он словно не слышит, лежит все время и в одну точку смотрит. В тот день я ему снова все: «Ванечка, Ванечка, долги платить надо». Он встал, молча подошел к телевизору. Закричал страшно и как даст по нему кулаком, потом по видику. Все разбил и ушел. Получилось, что ушел навсегда. Я виновата, батюшка. Мне бы его пожалеть. Лишний раз обнять. А я все вставай да вставай, долги да долги.

Как Ванечку схоронили, я во сне его видела. Будто пришел он, хороший мой. Сели мы с ним за стол, как обычно, смотрим друг на дружку и молчим. Я ему: «Ванечка, родной, что же ты наделал?! Как нам жить-то теперь без тебя?» А он обхватил голову руками да как заплачет.

Батюшка, мне венчик у нас в церкви не дали. Я просила, а мне не дали. Ванечку без венчика схоронили. Может, вы дадите, а? Я его в могилку прикопаю, чтобы он там не плакал.

Из церкви она ушла раньше меня. Пока я переодевался и сдавал храм на охрану, она успела вызвать такси. Подъехала машина и осветила ее фарами. Точно сейчас вижу ее стоящей на холодном ветру и прижимающей к груди как самую большую драгоценность маленький полиэтиленовый пакетик со свернутым в трубочку венчиком. Думаю, такси от нас ей обойдется рублей в триста, не меньше. А какие у нее сейчас после похорон деньги. Надо заплатить таксисту – и прибавил шагу. Она не видела, как я подходил, запрыгнула в автомобиль и хлопнула дверью. Такси отъехало. Я остановился и долго еще провожал взглядом уплывающие в ночь огоньки.

Вторник

Отец

Недавно на проповеди я рассказывал о Ларисе Лужиной. Это та самая актриса, что снималась вместе с легендарным Владимиром Высоцким в фильме «Вертикаль». И сама превратилась в легенду. В моем детстве песню, которую Владимир Семенович посвятил Лужиной,

знали и распевали повсюду. «Куда мне до нее? Она была в Париже, и я вчера узнал – не только в нем одном». По нашим тогдашним советским меркам, Лариса Лузина была очень успешна. Она действительно еще в шестидесятых годах побывала во Франции, Польше, Иране, Швеции, Чехословакии. Долгое время жила и снималась в Германии. Мы знаем ее и сейчас как одну из наших самых любимых актрис старшего поколения. Казалось бы, вездесущая Википедия знает об этом человеке все, но в мае прошлого года, когда страна праздновала юбилей Великой Победы, мы услышали еще одну историю. Ее рассказ об отце.

Когда началась война, маленькая Лариса вместе с родителями, бабушкой и старшей сестрой жили в Ленинграде. Все вместе они оказались в блокаде. От голода и бомбежек погибли ее шестилетняя сестра и любимая бабушка. В это время отца, который служил на флоте, тяжело ранило. Вместо того чтобы лечить раненого в военном госпитале, его доставили домой. Целый месяц он лежал в постели, а потом умер. Когда после смерти стали убирать его кровать, то под подушкой нашли кусочки хлеба. Их было ровно столько, сколько дней проболел ее отец. Понимая, что тяжелораненому, без должного питания и лекарств ему все равно не подняться, отец не стал «переводить» хлеб на себя, а сохранил его для маленькой дочки.

– Благодаря этому хлебу я не умерла от голода. Потом нас с мамой вывезли из блокадного Ленинграда по льду Ладожского озера. Так мы с ней выжили. Я была слишком маленькой, чтобы запомнить отца, но я безмерно благодарна ему, дважды подарившему мне жизнь.

После службы, уже в трапезной сидящая рядом со мной тетя Рая сперва молчала, а потом говорит:

– Я ведь тоже отца не помню. Мы с Лузиной почитай одногодки. Отца в сорок первом забрали в армию, а мама осталась одна с пятью детьми. Однажды, это еще когда мы жили в подмосковном Дмитрове, мы все шестеро стояли в очереди за хлебом. Немец шел на Москву. Хорошо шел, уверенно. Наши отступали. Кругом готовились к обороне, потому и войск было полно. Стоим, смотрим, недалеко от нас остановилась машина с военными. Те с кузова попрыгали и давай то и дело сновать в какое-то здание. Солдаты выносили из подъезда мешки и грузили их в кузов. Потом сами наверх запрыгнули. Уже было тронулись, вдруг останавливаются и машут нам руками. Это мне потом старший брат обо всем рассказывал.

Мама смотрит на военных и все никак не сообразит, кому это они машут? А потом обратила внимание на часы одного из солдат. Они показались ей знакомыми. И так вот по часам на руке она узнала своего мужа и нашего отца. Как закричит: «Миша!!!» – и бегом к машине. Дети: «Папа! Папа!» – и за мамкой. Пока он нас обнимал да целовал, солдаты все наши сумки набили продуктами. Они, оказывается, сухой паек приезжали получать. Мы их, эти сумки, потом еле до дома дотащили. Так всего было много. Карточки в тот день остались неотоваренными.

Больше отца мы не видели никогда. С фронта от него пришло одно-единственное письмо, а потом он пропал без вести. Потом, когда начался голод, старший брат сказал: «Помнишь, когда мы видели папку? В тот день мы не стали отоваривать карточки на хлеб. – И вздохнул: – Эх, сейчас бы нам этот хлеб».

Сегодня днем кто-то подошел к ограде храма, где мы снаружи у входа в калитку вывешиваем расписание служб на неделю, и разнес его в клочья. Все разбили. Пятнадцать лет оно никому не мешало. Теперь мешает.

Сперва фонари, теперь вот расписание. Видать, кому-то мы стали поперек горла.

Среда

Покровский период жизни С. И. Фуделя

7 марта исполнилось 39 лет со дня кончины Сергея Иосифовича Фуделя – исповедника, одного из самых ярких русских православных писателей и мыслителей XX века. Текст ниже – это мое собственное исследование. Никого из людей, которые в нем упоминаются, уже нет.

Все то, о чем здесь написано, они рассказывали мне лично. Я не знал ни Сергея Иосифовича, ни его жены, Веры Максимовны, но их влияние на мое становление как христианина и уж тем более как священника огромно. Всем настоятельно советую найти и прочитать его книги. Трудно поверить: исследование наследия С. И. началось с запроса к нам сюда итальянских специалистов, изучающих историю христианства. И первая книга о нем вышла на итальянском языке.

О жизни семьи Фудель в г. Покрове мне известно из воспоминаний Зинаиды Андреевны Тороповой, Сергея Анатольевича Кузнецова, монахини Макрины (Марии Ивановны Палагиной) и других верующих покровчан. Кроме того, большую роль в изучении последнего периода жизни семьи Фудель играют письма Сергея Иосифовича, написанные им из Покрова.

Зинаида Андреевна Торопова познакомилась с Верой Максимовной еще в Загорске, когда Сергей Иосифович находился в последней ссылке. Она вспоминает, что Господь свел ее с ними в очень трудную для нее минуту. Будучи молодой девушкой, живя в чужом городе, не имея постоянного угла (хозяева прежней квартиры попросили ее съехать) и средств к существованию, она тяжело заболела гнойным плевритом. Помощи ждать было неоткуда, и она в отчаянии шла по городу в поисках пристанища, сама не зная куда, понимая, что помочь ей может только чудо. Тогда и встретила ее Вера Максимовна и Варя, ее дочь. Видя, в каком состоянии находится девушка, те ее окликнули и, узнав положение дел, приютили в своем доме. Зинаида Андреевна вспоминает, как для нее делали морковный сок, кормили полезными продуктами и выходили тяжело больного, совершенно чужого им человека, оказавшегося в беде.

Вспоминает Зинаида Андреевна и самого Сергея Иосифовича, вернувшегося из ссылки. Ее поражал затравленный взгляд и одновременно с этим его радушие и сердечная теплота. Фудели боялись оставаться на прежнем месте и переехали на территорию нынешней Липецкой области, сперва в Лебедянь, а потом в Усмань. Уже из Усмани к святителю Афанасию в Петушки в самом начале шестидесятых годов приезжала Варвара Фудель за благословением перебраться поближе к святителю и к столице. Нина Сергеевна, келейница владыки, долго не впускала Варвару в дом, но когда передала ему, что приехала дочь Сергея Иосифовича, то услышала, как святитель вскричал: «Немедленно проводи ее ко мне – это дочь Сережи Фуделя!» По просьбе владыки Афанасия отец Андрей Каменьяка, тогдашний настоятель Свято-Покровского храма г. Покрова, помог Фуделям приобрести половину частного дома в Покрове по улице Больничный проезд, в котором те и провели остаток своих дней. Во время переезда на новое место жительства Сергею Иосифовичу уже было 62 года.

Жили Фудели в Покрове замкнуто, но приветливо. Они стали прихожанами Свято-Покровского храма – наличие в городе храма было обязательным условием выбора места их проживания. Сергей Иосифович читал на службах Апостол, участвовал в клиросном служении. Верующие полюбили эту семью, в их доме всех принимали с радостью. В Покров переезжает Зинаида Андреевна и бывает у них каждые пару дней, очень часто у Фуделей бывала и Мария Ивановна (монахиня Макрина). Как-то на мой вопрос, каким был Сергей Иосифович, Мария Ивановна ответила, что больше в своей жизни она не встречала таких людей. Зинаида Андреевна вспоминает, что в разговорах у Фуделей никогда не проскакивало слово осуждения в чей бы то ни было адрес. Когда Зинаида Андреевна как-то начала жаловаться на начальника, Сергей Иосифович ответил, что начальник и поставлен для того, чтобы смирять ее, поэтому она должна быть благодарна ему и, находясь у него в послушании в добрых делах, никогда не осуждать.

Фудели были очень гостеприимны, гостей немедленно усаживали за стол, подавали чай и обязательно что-то к чаю. Вера Максимовна была хорошая хозяйка, готовила кисели из фруктов, что росли в их саду; покупали домашнее молоко и готовили из него творог. Оба получали пенсию, помогал деньгами и сын Николай. В гостях у Фуделей все чувствовали искреннюю

любовь к себе, было много юмора, чувствовалась эрудиция хозяев. И еще Сергей Иосифович никогда не навязывал никому своих убеждений. Зинаида Андреевна воцерковилась лишь только после его смерти в 1977 году, а в течение более четверти века никто из Фуделей не пытался обратить ее в свою веру и не заставлял ходить в храм.

Частым гостем и добрым другом стал для Сергея Иосифовича протоиерей Андрей Каменяка, настоятель Свято-Покровского храма. Это был человек высокой души и глубокой веры. Будучи людьми образованными и владеющими языками, они с Сергеем Иосифовичем часто переходили в разговорах на английский язык.

После многочисленных обысков и арестов Фудели постоянно опасались их повторений. Иконы прятали за занавесками, и чужие люди, зайдя в дом, могли увидеть их не сразу. Мебель в доме была очень простая – посреди комнаты стоял большой стол, к нему примыкал топчан, устроенный на самодельных козлах. На нем все 15 лет жизни в Покрове и спал Сергей Иосифович, на нем он и умер (потом этот топчан достался мне, а я передал его в музей, что на расстрельном полигоне в Бутово). Казалось, что они всегда были готовы к тому, что им придется в один момент все оставить и немедленно выехать из города.

Живя в Покрове, Сергей Иосифович и Вера Максимовна сотрудничали с «Журналом Московской Патриархии», занимаясь переводами писаний святых отцов. В Покрове Сергей Иосифович много пишет. Его жизненный путь требовал осмысления и подведения итогов. Господь провел его путем тяжких страданий, накапливая в сердце великую Свою благодать, и от избытка сердца заговорили уста праведника. Практически все литературное и философское наследие, оставленное нам Сергеем Иосифовичем, написано им на крошечной неотапливаемой веранде. Я садился на его место и пытался представить себя пишущим свои рассказы. Ничего не получилось. Сергей Иосифович еще до переезда в Покров жаловался на зрение. Он заболевает глаукомой, но очки не носит, пишет при помощи увеличительного стекла. Работает все свое свободное время. Долго готовится, делает множество выписок из святых отцов. Труд Сергея Иосифовича не находит поддержки у Веры Максимовны. Та боится обысков и ропщет на мужа. Порой они даже ссорятся, и Вера Максимовна уезжает к сыну в Москву, оставляя мужа одного дня на три, а тот продолжает писать. Когда Вера Максимовна уезжает, приходят верующие, готовят Сергею Иосифовичу еду. При чужих он не пишет – опасается за свои труды. За тридцать лет непрекращающихся гонений Сергей Иосифович в общей сложности провел в местах заключения 11 лет.

Вера Максимовна могла вспылить, выразить недовольство, но Сергей Иосифович никогда не ругался и не повышал голос, только говорил: «Да что ты, Верочка. Не говори так». И всегда так было – нагрубят Сергею Иосифовичу, а он идет просить прощения у того, кто его обидел.

Особенно усилилось беспокойство Веры Максимовны, когда на Западе в журнале «Вестник РХД» за 1976 год были опубликованы главы «Воспоминаний» под псевдонимом Ф. Удалов. Кстати сказать, беспокойство Веры Максимовны было по большей части оправданным – Сергей Иосифович иногда уезжал в Москву и там на квартирах знакомых читал свои рукописи, а это весьма не приветствовалось органами. В том же 1976 году у районного военкомата – это недалеко от дома Фуделей – Сергея Иосифовича встретили двое молодых людей и молча били по шее, повалили на землю, пинали ногами. Об этом вспоминал Сергей Анатольевич Кузнецов – ему жаловался Сергей Иосифович.

Впоследствии, уже после смерти мужа, Вера Максимовна сохранила рукописи Сергея Иосифовича, практически спала на них, пряча чемодан под кроватью.

Сергей Анатольевич Кузнецов, сам уже ныне покойный, вспоминал последние дни жизни Сергея Иосифовича. Тот страдал от злокачественного воспаления лимфатических узлов, отчего тело стало покрываться язвами. «В последний день вдруг ему стало легче. Сидит на матрасике, говорит: „Видно, Господь хочет, чтобы я пожил и помучился“. Румянец на щеках

появился. А потом Вера Максимовна побежала за священником – умирает!» Кузнецов все это время читал Апостол. Пришел священник, начал читать молитвы перед Причастием, и агония вдруг прекратилась. Умиравший в сознание так и не пришел, но чувствовалось, что слово Божие он слышит. Стал тихий, внимательный, спокойный. Когда священник поднес лжицу с Дарами, он сам открыл рот и причастился. Эти воспоминания при мне записывала Лидия Борисовна Колосова – директор Покровского городского музея.

Сергей Иосифович умер перед праздничным днем. Все конторы не работали. Кто-то из своих сколотил гроб, но машину найти не удалось. Нашли детские санки и на них потащили гроб в храм. На другой день в Покров собрались многие, кто знал Сергея Иосифовича и смог приехать попрощаться с ним. После отпевания гроб с телом усопшего понесли сперва на руках, а потом повезли на машине по Горьковскому шоссе. За гробом шло около ста человек.

Вера Максимовна больше чем на десять лет пережила своего мужа – она умерла в декабре 1988 года. Это была очень сильная женщина, не умевшая прилюдно выражать свои чувства. Ее никто не видел плачущей – ни когда болели дети, ни когда умер муж. Когда она скончалась, верующие вырыли могилку, подготовили тело к погребению и тихо и без помпы похоронили ее. Машину везти гроб не нашли и везли тело на санях, запряженных лошадкой, – она всегда любила лошадей. Причащал ее и отпевал тоже ныне покойный архимандрит Максим Маскалеонов (мой духовный учитель – в книге «Схолии» я пишу об этом батюшке, называя его «отцом Павлом»).

Четверг

С. И. Фудель. Письма

Это выдержки из писем Сергея Иосифовича в период его жизни у нас здесь, в г. Покрове. Письма Фуделя в его духовном наследии, наверное, одни из самых важных. Когда я начинаю унывать, беру и читаю эти письма.

Очень хочу, чтобы и вы, несмотря на занятость и дела, прочитали хотя бы это немного. Имейте в виду, что о любви и доверии Богу размышляет человек, которого только и делали, что сажали, гнали и били. Одиннадцать лет заключения плюс война четыре года от звонка до звонка. Который потом так и не отвык от лагерной привычки ходить ссутулившись и смотреть на любого другого снизу вверх, точно в ожидании удара.

В письме Т. М. Некрасовой от 16.11.63 г. – это самое начало покровского периода их жизни – он пишет о литературном творчестве своего сына Николая (характеристика обширна и нелюбима) – и вдруг среди размышлений: «Мы с Верой Максимовной ужасно устали от всего, но просить смерти не положено, хотя Апостол и говорит: „Мне жизнь Христос и смерть – приобретение“». Такая усталость, но без ропота.

О состоянии здоровья Сергея Иосифовича – из письма Н. Н. Третьякову 02.10.64 г.: «Мое здоровье улучшилось в связи с переходом на строгую язвенную диету. Это очень скучно, но зато живешь. Пренебрежительно относился к постам, вот и посажен на пост принудительный. Из-за этой диеты очень сложно бывать в Москве, и я почти не вижу своих. Вера Максимовна вся в страдании, все время меня чем-то кормит, что-то протирает, и дел у нее прибавилось... „не так живи, как хочется, а как Бог велит“».

По поводу тяжелой душевной болезни дочери Варвары: «С Варенькой все не так просто, потому-то сердце так болит и мечется» (Н. С. Фуделю, 11.03.67 г.).

Из наставлений сыну: «В тебе есть природное смирение. И это для меня залог того, что Бог тебя не оставит, вразумит и проведет в жизни. Года и сроки здесь не имеют значения. Вот мне скоро 70, я только теперь увидел какой-то совсем ясный свет на дороге и душой чувствую, что „времени нет“. Это так невероятно укрепляет, успокаивает. Так что впереди у тебя еще целая жизнь душевной возможности, только „стучи в дверь“, не замыкайся в свою болезнь,

усталость, разочарованность. Никогда не начинай жалеть себя, а гляди кругом себя – чтобы пожалеть кого-нибудь другого. В этом и есть душевный труд, только в этом и есть жизнь. А без этого человек погибает...» (Н. С. Фуделю, 07.04.69 г., Благовещение).

«Сосед поехал на 2 дня в Загорск, несколько отдохнуть и набраться сил около святыни. От нее только и набираешься сил, и ни от чего другого, – придется когда-нибудь нам всем это понять. Мы изнеможем от тления жизни, от какой-то смерти в себе, в других, от угнетающего плена своего в чем-то временном и темном. Спасение наше и сопротивление наше – только в Вечности. Я жизненно это знаю, знаю, что это надо помнить и осуществлять буквально каждый день, если не час, чтобы собирались какие-то звенья этих капель и чтобы душа пила. Нам всем, может быть, даже и понятно, что это так, но тут дело не в том, чтобы понять, но в том, чтобы и понять и делать» (ему же, 29.10.73 г.).

«В тебе сердце от природы предрасположено к любви, но это предрасположение еще не стало постоянным фактом жизни, не овладело еще умом и познанием. Вот ты иногда плачешь, что „твоя жизнь бессмысленна“, и что она „проходит зря“ и т. д. Но ведь она потому и представляется тебе бессмысленной, что ты не осознаешь необходимости наполнить ее любовью к людям, к людям, говорю, к каждой живой человеческой душе, а тем более к душе скорбящей и озлобленной. Только в любви к людям смысл жизни, только в этом выход из тупика погружения в себя самого, в свои удовольствия, в свои неприятности, прихоти и хотения... трудно писать обо всем этом, но я опять вспоминаю молитву: „света твоего зарями просвети ее“. Очень бы я, по любви своей, хотел тебе полноты земного благополучия, т. е. такого благополучия, которое не в сосисках и не в квартире с телефоном, а именно в сочетании необходимых земных благ с предвкушением и предначтанием уже будущей вечной жизни, „миров иных“, как говорил Достоевский» (ему же, январь 1974 г.).

Н.Е. и О.В. Емельяновым, 09.12.70 г.: «Сейчас жизнь затягивает в одиночество, точно в какую-то воронку в воде, и надо противодействовать этому. Даже и совсем иной раз незнакомый человек на улице скажет что-нибудь доброе и улыбнется – и то кажется, что среди серого неба просияла лазурь... У нас тоже много трудного и даже тяжкого, но вот как-то все переживается и, как ни бывает трудно, до тупика никогда не бывает: под ногами чувствуешь все ту же дорогу, а над головой – звезды. И в этом чувстве Пути и есть наша непобедимая сила».

Снова сыну: «Твое благополучие – целиком в руках Божиих. На эту мысль нужно направлять все свое дерзновение, без которого нет веры. В вере надо дерзать, иначе она умрет, как хилая старушка...»

О Покрове: «Я получаю здесь то, чего не было в Москве: совершенную тишину и совсем заросший зеленью участок с розами и белыми лилиями. Доброе отношение к себе я видел и в Москве, но и здесь оно заметно. Мама и работает за столом, и готовит, и бегает по магазинам, ничего не находя, и ездит в Москву и Орехово. Ради меня и других Бог дает ей силу» (Н. С. Фуделю, 08.08.71 г.).

«Мама сидела до 5 часов утра, всю ночь делая для одной парализованной больной в Москве тюфяк, а после этого с тюфяком поехала в Москву» (ему же, 19.12.73 г.).

«Мама в Москве. Кроме заработка, еще ухаживает за одной близкой нам женщиной, у которой рак и инфаркт, а родных совсем нет. И за тетей Женей, конечно, ухаживает, которой, кажется, уже 85 лет» (М. С. Желноваковой, в девичестве Фудель, 18.01.76 г.).

Зима с 1973 на 1974 год прошла для Сергея Иосифовича очень тяжело. Он переболел воспалением легких, болел трудно, даже врач удивился выздоровлению своего пациента. В один из моментов высокого подъема температуры пишет Сергей Иосифович сыну: «У меня было спокойное осознание возможности перехода и какая-то надежда на радость этого перехода».

Наступило время непрекращающихся болезней. Дома было очень холодно с пола, но и с этим он легко смиряется. Он постоянно молится. О молитве – из письма к внучке: «Молитва

рождается от любви, как от любви рождается и вера. Любовь в молитве не всегда ощущается, часто сердце мертвое, как камень, но это надо перетерпеть, как терпят зной и сухость пустыни люди, идущие по ней к светлым оазисам, к живым источникам вод... Дай Бог, чтобы тебя в твоей жизни никогда не оставляла теплая молитва. Это самое большое мое тебе пожелание. Сколько бы ни было у тебя впереди страданий, молитва тебя защитит и согреет» (Марии Николаевне Фудель, 29.09.74 г.).

В день 75-летия, 13.01.75 г., он пишет сыну: «Не думай, что если я страдаю, – я несчастлив. Даже если бы и действительно все меня оставили, – Бог меня не оставляет, спасает, милует, веселит сердце мое надеждою на соединение со всеми в любви». Человек, прошедший путем страданий, говорит: «Как жалко, что меня так мало, так редко укоряли и осуждали. Если это идет от любящего сердца, никогда не бойся этого. Держись за крест, даже если холодеет сердце. Господь, видя усилие твое, пошлет теплоту».

«Христианин должен всегда искать в себе любви к другим, но он никогда не должен требовать любви к себе. На то и есть христианство, чтобы любить без требования награды» (Н. С. Фуделю, 19.09.75 г.).

Из письма к дочери Марии: «Ты меня беспокоишь не меньше Вари, а болею я за тебя даже еще больше. Может быть, потому, что ты из детей самая мне близкая по духу, по страшной судьбе, по страданию. Я бы только одного желал: не дожить мне до того времени, когда ты будешь как все, когда ожесточишься, когда потеряешь последнее тепло и любовь.

Мы живем и дышим, и верим, и терпим – только для того, чтобы „не умирала великая мысль“, чтобы не стерлись с лица земли те капли крови, которые пролил за нее Христос. Так как без них – духота и смерть, и ужас. Если люди перестанут это понимать, то я ради них же, этих людей, – не перестану, так как жизнь без любви – безумие. А удерживает в нас любовь только смирение. Есть ли это в тебе?

Все, что мы терпим, мы заслужили, мы сами в громадной степени создали свое страдание. Я в том числе, искренно тебе говорю. А как сказал один человек, „нищие не могут роптать, но они не могут и унывать, они могут только нести свой труд нищеты и надежды“. Они слышат, как „Царь царствующих и Господь господствующих приходит заклатися и датся в снедь верным“. Прости меня, я ничего не знаю, кроме этого, и я хотел бы, чтобы ты жила и умерла с этим» (01.01.76 г.).

В одном из последних писем сыну: «Я всегда говорил тебе и всегда искренне говорю себе: в нас до безобразия мало любви... рви паутину лукавства. Для любви от нас нужны прежде всего и больше всего не романы и не богословские статьи, даже с самыми хорошими намерениями, а повседневное отношение с живыми людьми. Но удерживать в себе тепло любви именно в этом плане, в повседневности, а не в статьях и размышлениях, невероятно трудно, что и показывает золотую пробу любви. Тут надо держать себя все время в порядке. Вот ты пишешь о метро, о „шествии мимо тебя роботов“, и еще даже почище, об ужасе своего одиночества среди них. Нельзя так мыслить, пойми, дорогой мой. Я не буду говорить об образе Божиим, луч которого не погаснет в человеке до окончательного суда Божия. (А как же иногда удивительно бывает почувствовать в метро этот ясный и нетленный луч! Какая это бывает радость.) Я скажу другое, вспомню слова о. Николая Голубцова. Он мне сказал: „Если хотите начинать как-то упорядочивать свои душевные отношения с людьми, повторяйте иногда эти чьи-то слова: Все святые, кроме меня“» (22.05.76 г.).

А вот одно из самых последних писем, написанных Сергеем Иосифовичем в его жизни, – оно снова к сыну. Уже попрощавшись с ним, он вдруг начинает говорить о монашестве: «Одна твоя фраза в разговоре напомнила мне слова моего отца: русская религиозная личность корни свои имеет в монашестве. Можно не идти в него, но нельзя не понимать, что оно всегда было и будет высшим идеалом русского человека. Потому-то и созидались все эти „Северные Фиваиды“, потому к нему и устремлялся со всех концов простой народ, потому его принимали кня-

зья, хотя бы перед смертью, потому его желали познать и Достоевский, и Толстой, и Блок. Оно есть непрекращающееся первохристианство, полнота того безумия, к которому призвал Бог свой мир, призвал и призывает, так как только в нем спасение мира. Благоразумием и умеренностью мира не спасешь.

Можно не идти на монашеский подвиг, но очень плохо, когда не понимается самая суть монашества как апостольского горения за людей, когда Зосима смешивается с Ферапонтом. Древние отцы ясно определили монашество. „Монашество есть предание себя на молитву за весь мир“» (осень 1976 г.).

Видимо, точка зрения на роль монашества в Церкви была Сергеем Иосифовичем воспринята еще от отца, с нею были созвучны и мысли тех, кто окружал протоиерея Иосифа в детские годы его сына Сергея. Эту мысль, как что-то очень важное, спешит передать своим детям и сам Сергей Иосифович, пронесший ее через всю жизнь и укрепленный в ней собственным опытом.

И вот выдержка из практически последнего письма Сергея Иосифовича сыну, февраль 1977 г.: «Я сам много унываю, тягочусь тем, что и не оживаю, и не умираю, но, в общем, и я, грешный, чувствую милостивую руку Божию и целую даже символ ее с любовью. „Все от Него, Им и к Нему“. Мы часто забываем эту заповедь о бдительности против земной печали... „Печаль мирская производит смерть“ (апостол Павел). И мы так мало боремся с этой смертью в себе!» Здесь же о Вере Максимовне: «Она в бодрости и в чуде жизни ради других. Ради себя этого чуда не посылается».

Пятница В оккупации

Когда мы переехали в Гродно, в конце шестидесятых, мне было восемь лет. Это как раз время начала отъезда евреев на свою историческую родину. В те годы много говорили о евреях. Даже среди детей ходило множество легенд на еврейскую тему. Помню, мои польские друзья, переходя на шепот, рассказывали, что одно время евреи будто бы воровали польских детей и выкачивали у них кровь, которую потом добавляли в мацу. Что такое маца, я не знал, но на всякий случай уточнял: а русских детей они, часом, не воруют?

Будучи взрослым, заинтересовался историей Гродненского еврейского гетто и даже написал на эту тему рассказ «Я люблю Гродно». Рассказ небольшой, и многое из прочитанного тогда так и осталось не востребованным.

Сегодня причащал одного дедушку. Они ассирийцы, потомки тех, кто в 1915 году, спасаясь от турецких головорезов, нашли приют в России. В прошлом году был у них в гостях, и старики рассказывали мне свою историю.

Снова захотелось вернуться к теме Гродненского гетто. Сегодня перескажу рассказ одного мальчика, чудом выжившего и дождавшегося прихода советских войск. Он печатался в каком-то еврейском журнале.

Большая часть названий деревень, встречающихся в этом рассказе, мне знакомы. Вспоминаю тамошних жителей. Хорошие, добрые люди, дети и внуки тех, с кем пересекался этот мальчик. Оттого еще непонятнее, почему у людей – а это все христиане – такое разное отношение к еврейскому ребенку? Одни спасали, рискуя жизнью, другие норовили сдать немцам.

Кстати, из двадцати девяти тысяч гродненских евреев в живых осталось только сто восемьдесят человек.

Хаим Соломонович Шапиро. В начале войны ему было одиннадцать лет.

В июне 1941 года, когда началась война, рядом с ним разорвался снаряд. Хаим был контужен, из ушей лилась кровь. В сентябре того же 1941-го папу Соломона Ицхоковича – он был мастером по изготовлению памятников – вызвали в юденрат. Сказали, на работу, к немцам. Домой папа не вернулся. В ноябре 1941 года, когда всех гродненских евреев согнали в гетто, их

семью сначала отправили в гетто № 1. При входе в это гетто фашисты для острастки повесили трех человек. Их черные языки мерещились потом Хаиму на протяжении всей жизни.

Он говорит, в Гродно в начале войны оставалось 60 тысяч человек, из которых половина – евреи. Об этом сообщали сами педантичные немцы, верные своему «орднунг». На воротах гетто висел список, в котором указывалось, что в городе населения – 60 тысяч, а «жиден – 30 тысяч».

Всех Шапиро согнали в один деревянный домик у забора. Жили они с мамой Сарой Хаимовной и младшим братиком Абрамом в страшной тесноте: «Нам дали крылечко такое, закрытое. Нагнали столько, что лечь было негде, мама спала сидя. Из-за большого скопления народа в гетто № 1 нас потом переместили в гетто № 2». Это было уже в декабре 1941 года. «Надели желтые звезды Давида спереди и сзади, – продолжает рассказ Хаим Соломонович. – Ходили только по проезжей части. Плевали на нас, могли убить, если немец поймают. И поляки тоже издевались страшно. Мы были люди вне закона. Бывало, встанешь утром, идешь и смотришь – повешенные на балконах».

«Еду в гетто не давали, – говорит Шапиро, – как хочешь, так и выживай». Хаим изучил расписание немецких охранников. Отцепил проволоку, чтобы выбираться из гетто, и, когда немцы уходили, снимал желтые звезды и шел. Ходил в деревню, менял собранные родными вещи, какие-то пожитки на продукты. Спасало Хаима то, что внешность у него не была типично еврейской. «Около города были деревни, там то молока, то муки давали, – вспоминает он. – Однажды мы пошли в деревню вдвоем с одним человеком. Это был просто попутчик. Мы разделились – он с одного края в деревню вошел, я с другого. А там были немцы. Он увидел их и побежал. Нервы не выдержали. Убили его. А однажды я полз через проволоку, и, не знаю откуда, появился немец! Он меня избил до полусмерти, бросил около гетто полуживого. Мама выходила меня. Думали, не выживу».

Так они прожили в гетто почти год. Мать была портнихой, у нее были клиенты-подруги. Одна из них все время приходила к ограде гетто. Писала записочку, заворачивала в нее камень и перебрасывала через проволоку. В ноябре 1942 года она бросила записку: «Сара, я была на вечеринке, и один немец сказал, что через полторы-две недели будут уничтожать гетто. Пусть Хаим зайдет ко мне, я его отведу в деревню». «Мать говорила мне: твое имя – Хаим, это значит „жизнь“. Ты должен, сынок, спастись и остаться жить, – продолжает свои печальные воспоминания Хаим Шапиро. – Я перелез через проволоку, снял звезды и пошел к этой женщине. Она меня отправила в деревню Лапенки к своей знакомой. Я побыл у нее недельку или две. Пас коров. А младший брат Абрам остался с матерью». Хозяйка разрешала ему спать на сене в сарае, где стояли коровы, и запретила куда-либо выходить. Но Хаим ее не послушался: «Я по маме скучал. Бывало, говорил, что иду спать, а сам шел в город, перелезал через проволоку, пробирался в гетто, смотрел на маму, а к утру возвращался. Ночью немцы ввели комендантский час и расстреливали, если кто выходил. Но я все ходы знал». В результате хозяйка его выгнала, при этом сказала, что завтра из гетто всех будут вывозить в Колбасино и на станцию Малкия – это разгрузочная станция за Белостоком, рядом с концлагерем Треблинка. «Что делать? Пошел я вечером в гетто, а его уже охраняли с собаками. Я не смог пройти... Тогда я зашел к одному хозяину, фамилия его была Силеневич, мы с ним жили раньше в одном дворе. У него две дочери были – Геля и Ядя, мы играли вместе. Я попросился переночевать. Он сказал: „Побудь у нас, а завтра пойдешь в гетто“. А сам со своей женой пошептался и ушел. Подходит его дочка Геля и говорит: „Хаимку, не ночуй у нас, тебя выдадут, отец уже пошел в гестапо“. Я вышел из дома, хозяйка была во дворе. Сказал, что пойду в сад, а потом приду ночевать. А сам перелез через забор. Недалеко был деревянный дом, а наверху – слуховое окно. Мне важно было узнать, пойдет он в гестапо или нет? Я сидел на этой крыше и слышал, как подъехала машина, вышли немцы, подошли к дому. Слышу, стучат. Спрашивают: „Где еврей?“ Тот говорит, что был дома. Оправдывается, значит. Походили, фонариком посветили

и уехали. В деревянном доме жил немец один, у него была печка. И он в крыше просверлил дырку, вытяжку. Я ночью стал спускаться вниз, не заметил и туда вступил. Он вскочил, начал стрелять. Как я выскочил – не помню. В сарайчике просидел до утра». Утром Хаим пошел на Бригитскую – улицу, по которой из гетто гнали колонну. Люди вышли на улицу, стояли, прощались. «Смотрю, их гонят. Охрана колонны сильнейшая. Я стоял в толпе и увидел в колонне своих знакомых. И мама там, по-моему, была. Понимаете, я в эту колонну хотел войти! Но мне кто-то из знакомых подал знак: не приближайся, мол. Мне сделалось плохо. Помню, зашел в подъезд и потерял сознание. Очнулся – колонны уже не было». Тогда он видел маму в последний раз. Она погибла вместе с братом Абрамом. Погибли и все остальные родственники Хаима.

Когда Хаим остался один, он понял, что из города нужно выбираться. Но куда? Он вспомнил, что, когда пас коров, видел в лесу деревушку – всего несколько домов. Дорогу он знал, деревню нашел. По дороге придумал «легенду». В Гродно, в их дворе на Почтовой жило много офицеров. К кому-то из них в гости приехала семья офицера из Харькова. С их мальчиком Хаим дружил. Фамилия мальчика была Петров.

«Зашел в какой-то дом и сказал, что я – из Харькова, сын командира Красной армии; эшелон разбомбили, и теперь я один в городе. Оттуда меня отправили в другой дом, где нужен был пастушок. Вижу, женщина стоит около дома. Спрашивает: „Куда ты, мальчик, идешь? Чей будешь?“ Я рассказал ей ту же историю. Она сказала: „Бедный мальчик, иди к нам, мы тебе поможем“. Это были Маркевичи – Михаил Николаевич и Янина. Деревня называлась Дуброва. Они меня приютили, у них я пробыл до марта».

Весной в деревне гуляли свадьбу. «Пошел я на свадьбу посмотреть – и зачем меня туда понесло! – а к ним в гости кто-то из города приехал, меня опознал: „Что вы этого жидочка держите? Его нужно сдать!“ И пошел к солтысу, это по-местному староста, и сказал: „Если не сдадите, скажу жандармам“. А этот солтыс очень дружил с моим хозяином. Я прибежал домой, весь дрожа. Хозяину все сказал. Тот завел меня в сарай, попросил раздеться и сам убедился. Он сказал, что, если утром придут полицаи, расстреляют и меня, и всю деревню. Я сказал, что уйду». Михаил Маркевич поднял Хаима затемно, наказал идти к белорусским деревням. На всякий случай дал кнут (якобы корову потерял). Показал дорогу: «Когда дойдешь, скажешь, мол, сын офицера». Хаим отправился...

Но вышло совсем по-иному: «Когда я шел через какую-то деревню, попросился в один дом. Хозяин говорит: „Хорошо, посиди, я сейчас приду“. А я сразу понял, что неладно что-то. Он ушел, смотрю вдруг – идет с винтовкой. Полицай! Говорит: „Поедешь со мной“. Он поляк был. Запряг повозку и отвез меня в Гродно. Там гетто уже не было. Тех, кого ловили, сразу в концлагерь отправляли. Сдал меня немцам, те меня сразу – в вагон. Им нужно было собрать определенное количество людей – то ли в печи, то ли на эксперименты. Нас повезли».

За Белостоком выгнали всех из вагонов и стали пересаживать в другой поезд. Спасло чудо. Шла женщина, полька. «Я как-то подмигнул ей. Она меня пожалела – подбежала к полицаям, сказала, что я ее кузен. Кричит: „Как он сюда попал? Он же ребенок!“ Она схватила меня за руку, нашла попу, ругалась: „Ты, сукин сын, где шляешься?“ Потом отвела подальше и сказала: „Убегай, хлопчик, и будь здоров!“»

Хаим долго шел по направлению к Гродно. Прodelал путь в 200 километров. Но в город идти побоялся, снова пошел к тем самым деревням. «Был уже март месяц, я был очень усталый, голодный. Там были какие-то сараи, и я уснул. Пришел старичок, разбудил меня: „Откуда, мальчик, будешь?“ Отвел меня домой и говорит: „Бабушка, я тебе мальчика привел!“ Стали они меня воспитывать». Деревня называлась Тужевляны. Спасителей Хаима звали Болеслав Константинович и Станислава Константиновна Литвинчик.

Судьба Хаима хранила. Он говорит: «Бог на свете действительно есть!» – и рассказывает несколько случаев своего спасения. Первый пример, конечно, та полька – «кузина», что «опознала» его в Белостоке. Второй случай. Пришел солтыс и сказал, что всех неместных мальчиков

нужно отвести в комендатуру – зарегистрировать. «Я подумал: ну, все, снимут штаны – и все понятно! Но комендант должен был уехать. Дедушка мой набрал масла, сметаны, сыра, окороков. Коменданта замещала полька-переводчица. Пришли мы в сельсовет. Дедушка пошел к переводчице и дал ей взятку. Она велела привести меня. Я сказал себе: „Прощай, жизнь!“ Она же спрашивает: „Откуда?“ – „Из Харькова“. – „Из Харькова?“ Мы с ней оказались „земляками“! Оказывается, их вывезли из Польши в Харьков. Меня зарегистрировали».

Еще один случай. 1944 год. Красная армия уже подходила к Минску. Вышел приказ коменданта: запрягать лошадей, возить дрова. «Дедушка запряг лошадь и наказал мне ехать. А нас сопровождал полицай. Он хвастался перед местными, что знает немецкий. А я идиш хорошо знал. И меня черт дернул сказать, что он что-то неправильно говорит по-немецки. Полицай удивился: деревенский мальчик знает немецкий! Доложил коменданту. Пас я корову, и вот на обед нужно было идти, на дойку ее гнать. Иду и будто бы слышу голос: „Не ходи домой!“ Я гоню дальше. Опять: „Не ходи домой!“ И так три раза. Я домой не пошел. Пригоняю коров вечером – дедушка перекрестился и сказал: „Хорошо, что на обед не пришел. Если бы пришел, мне крышка была бы – за мной уже приходил комендант“. А дедушка-то знал, что я еврей. Он видел, что я боялся – ну, с ребятами на речку купаться, мыться, – и все понял. После приезда коменданта он сразу отвез меня к сестре, чтобы я не показывался. Когда первый советский солдат вошел, я упал на колени и благодарил их».

«Три года я писал в „Яд ва-Шем“. И наконец в 2002 году Болеславу Константиновичу и Станиславе Константиновне Литвинчик было присвоено почетное звание „Праведники народов мира“. Посмертно».

Суббота После оккупации

Вчера я вспомнил историю мальчика-еврея, который целых три года выживал на оккупированной немцами территории Западной Беларуси. Ему очень и очень повезло остаться живым. В конце своих воспоминаний он, бесконечно счастливый, пишет, как опустился на колени перед советским солдатом-освободителем. И вот война закончилась. Так, как мальчику Хаиму, повезло далеко не всем. Из трех миллионов евреев, проживавших на территории довоенной Польши, назад вернулось что-то около двухсот тысяч. Везде по-разному. Например, в городе Кельцы до войны еврейская община составляла двадцать пять тысяч человек. Вернулось меньше трехсот. И на эти три сотни выживших евреев их сограждане-поляки глядели косо. Все потому, что собственность евреев, угнанных в концлагеря, их дома, земля, мастерские – все давно уже было захвачено и поделено между их соседями-поляками. Никто же не думал, что так обернется и кто-то из законных владельцев всего этого имущества выживет и станет претендовать на то, что давно уже было прибрано новыми хозяевами. Евреи возвращались, и с этим нужно было что-то делать. В тех же Кельцах поляки устроили провокацию. В городе узнали о пропаже девятилетнего мальчика. Его родители тут же указали на виновных. Якобы во всем виноваты евреи, те самые триста человек. Тогда по всей Польше распускались слухи о евреях, пьющих кровь польских младенцев. Казалось бы, XX век, как можно поверить в такую чушь? Ничего не чушь, заявляли провокаторы. Судите сами: большая часть выживших евреев – это те, кто чудом уцелел в немецких концлагерях. Там они наголодались, и теперь им требуется поправлять здоровье. Нужны витамины, потому те и пьют детскую кровь. Те страшилки про мацу с кровью, что я слышал в своем далеком детстве, – все это отголоски еще тогда распускаемых слухов. В Кельцах пошло брожение, люди возмущались поведением евреев. Наконец масса гнева достигла своей критической отметки, и начался погром.

«Пропавший» мальчик к этому времени уже нашелся и даже рассказал, что это отец научил его побыть пару дней у родственников и не возвращаться домой. Но факт появления

мальчика уже никого не интересовал. Народ жаждал крови, и он ее получил. К дому, где жили евреи, бежали с криками: «Доделаем то, что не успел сделать Гитлер!» Общий итог бойни – свыше сорока человек убито, около восьмидесяти ранено. То, что творила ненавидящая толпа, как глумились над трупами убитых беременных женщин, потом описывали очевидцы. Известие о произошедшей бойне в Кельцах разнеслось по всей стране.

Кстати, погромы шли не только в этом городе – евреев убивали повсеместно. Счет жертв, по разным источникам, колеблется от нескольких сотен до двух и до чуть ли не десяти тысяч человек. То, что случилось в Кельцах, ужаснуло евреев, и они побежали из Польши. Только до конца сорок шестого года страну покинула половина из числа выживших и вернувшихся домой. Правда, нужно все-таки отдать должное польскому правительству. Был устроен суд над погромщиками, несколько человек даже расстреляли, но защитить евреев они не могли. Когда руководство еврейской общины обратилось за помощью к министру внутренних дел страны, тот ответил: «Тогда мне придется сослать в Сибирь восемнадцать миллионов поляков». Практически все население тогдашней Польши! Евреи обращались и к епископам Католической Церкви. Невозможно поверить – но те отказались призвать паству к милосердию!

В 1996 году, в связи с 50-летием келецкой бойни, министр иностранных дел Польши направил письмо Всемирному еврейскому конгрессу, в котором, в частности, заявил: «Мы будем оплакивать жертв погрома в Кельцах. Этот акт польского антисемитизма мы должны рассматривать как нашу общую трагедию. Нам стыдно за то, что Польша совершила это преступление. Мы просим у вас прощения».

За кого просил прощения польский министр?

Он просил прощения за шлифовальщика Марека с металлургического завода, который вместе с сотнями других рабочих оказался на улице Плянты, 7/9, с единственной целью – убивать евреев.

Он просил прощения за паненку Асю и ее жениха Хенрика, бросавших камни в выволакиваемых из дома людей.

Он просил прощения за пани Чезию, которая возвращалась с базара, но почему-то тоже оказалась в толпе погромщиков. Ее рука не дрогнула, когда она поднимала палку, чтобы разможжить голову выброшенной из окна второго этажа еврейской девушке, еще подававшей признаки жизни.

Он просил прощения за сапожника Юрека, который, прибив молотком подошвы бывших в починке ботинок, поспешно запер мастерскую и устремился на улицу Плянты, где этим же молотком разбивал головы без вины виноватых людей.

Он просил прощения за зеленщика Януша, который покинул свою лавку вооруженным железным прутом, чтобы вернуться через три часа облитым кровью жертв.

Он просил прощения за миллионы поляков, не принимавших непосредственного участия в избиении, но равнодушно молчавших после случившегося.

Но молчали не все. Находились те, кто даже тогда вставал на защиту несчастных. В тех же Кельцах двое местных жителей уговаривали своих сограждан не убивать. Толпа растерзала их вместе с евреями.

В последнее время в самой Польше стали появляться версии, что волну ненависти поляков к евреям организовали русские. Но даже сами польские исследователи их не поддерживают. Недавно по телеканалу «Виасат Хистори» прошел фильм, посвященный всем этим событиям. Историки, в том числе и польские, рассказывали, что в Польше после войны развилась неслыханная доселе разновидность мародерства. Не знаю, может, такое творили и в других странах Европы, но ничего подобного я ни о ком больше не слышал. Евреев убивали не только в концлагерях, бывало, их расстреливали и закапывали в больших общих могилах, бывало, закапывали живыми. Польские крестьяне, зная места таких захоронений, брали лопаты и шли искать в этих могилах золото. Оно и логично: если человеку постоянно угрожает опасность и он

должен, находясь в полной готовности, сняться с одного места и бежать в другое, то хоть что-то же он должен захватить с собой. Что могли брать с собой эти несчастные? Разумеется, золото. Народ отправился на поиски того, что не заметили и не отобрали немцы. Создатели фильма показали коллективные фотографии тогдашних «черных копателей». Мужчины, много женщин. Представляю, как они в поисках золота выкапывали полуразложившиеся трупы, шарили у них по карманам и вырывали из черепов золотые коронки. Наверное, что-то и находили. Родовались и завидовали более удачливым товарищам. Не думаю, что этому их научили русские.

Нужно сказать, что польские крестьяне никогда не бедовали. Народ они работающий и весьма зажиточный. Еще следует добавить, что Польша, по сравнению со всеми своими соседями, всегда отличалась повышенной религиозностью, там очень много верующих. Шестьсот тысяч православных, большей частью живущих на востоке страны, остальные католики. Там в каждом мало-мальском селе стоят храмы, а поклонных крестов вообще не счесть.

Я не случайно вчера закончил рассказ мальчика Хаима, бывшего узника Гродненского гетто, его словами, как он в радости опустился на колени перед солдатом-освободителем. Представляю, как радовались те немногие, кто выжил и был освобожден нашими бойцами из всех этих жутких мест – Треблинка, Освенцим и сотни других. Они возвращались домой с надеждой. Возвращались к тем, кто пускай в меньшей степени, но тоже пострадал от немецкой оккупации. Люди вернулись домой, а соседи кинулись их добивать.

Когда узнаешь о таких вещах, впору отчаяться или кинуться в противоположность и начать ненавидеть чуть ли не целую нацию. Но небезнадежен тот народ, в недрах которого способны рождаться ангелы Божий, облаченные в человеческие тела. Их жизнь оправдывает существование целых стран, народов, да и всех нас, ныне живущих на земле.

Ирена Сендлер родилась в семье польских католиков. Ее отец, Станислав Кржижановски, был врачом. Станислав умер от тифа в феврале 1917 года, заразившись от своего пациента, которого отказался лечить его коллега. Многие из таких пациентов были евреями. Станислав учил свою дочь: если человек тонет, его нужно попытаться спасти, даже если ты сам не умеешь плавать. После смерти отца Ирена вместе с матерью переезжает в Варшаву. Лидеры еврейской общины предложили матери Ирены платить за образование ее дочери. Девушка с детства симпатизировала евреям. В то время в университетах Польши существовало правило, по которому евреям полагалось сидеть на отведенных для них скамьях в конце лекционного зала. Ирена и некоторые ее единомышленники в знак протеста садились за такие скамьи вместе с евреями. В конце концов Ирену на три года отчислили из университета. Во время нацистской оккупации Польши Сендлер жила в Варшаве и с самого начала оккупации начала помогать евреям. Ирена вместе с единомышленниками, скрывая евреев от преследования немцев, изготовила около трех тысяч фальшивых удостоверений личности. Помогать евреям было крайне рискованно. Немцы не слишком отличали поляков от тех же евреев. Потому, если в доме поляка находили прячущегося еврея, могли расстрелять всю семью.

В декабре 1942 года недавно созданный совет помощи евреям «Зегота» предложил Ирене возглавить их «детское подразделение» под вымышленным именем Иоланта. Как у работницы отдела социальной защиты у нее было специальное разрешение для допуска в Варшавское гетто. По должности ей необходимо было проверять жителей гетто на признаки возникновения тифа – немцы очень боялись, что зараза может распространиться за его пределами. Она выносила детей из еврейского гетто в коробках, чемоданах, а также на тележках. Под предлогом проверки санитарных условий во время вспышек эпидемий тифа Сендлер приходила в гетто и вывозила из него маленьких детей в машине скорой помощи, иногда маскируя их под багаж или ручную кладь. Детей оставляли в польских семьях, варшавских приютах или монастырях. Одной из помощниц Ирены Сендлер была католическая монахиня Матильда Геттер.

Данные о вывезенных детях Ирена записывала и складывала в банки, которые закапывала под деревом в саду подруги. В этих банках хранилась информация о настоящих и вымыш-

ленных именах детей, а также данные о том, куда они были отвезены и к какой семье принадлежали изначально. Это делалось для того, чтобы после окончания войны детей можно было вернуть в их семьи.

В 1943 году Сендлер была арестована гестапо, ее жестоко пытали и приговорили к смерти. Она никого не выдала. К счастью, «Зегота» спасла ее, подкупив немецких охранников по пути на место ее расстрела. Ирену бросили в лесу без сознания, с переломанными ногами и руками. Имя Сендлер значилось в списках казненных. До конца войны ей пришлось скрываться, но она продолжала спасать еврейских детей. После войны Ирена достала закопанные банки, в которых насчиталось 2500 записей. Некоторых детей удалось вернуть в родные семьи, но многие из родителей были уничтожены в концлагерях либо пропали без вести.

В 1965 году Сендлер было присвоено звание «Праведника народов мира» еврейской организацией «Яд ва-Шем». В 2007 году Ирена была награждена международным орденом Улыбки.

Ирена Сендлер умерла 12 мая 2008 года в своей комнате в частной лечебнице Варшавы. Ей было 98 лет.

Воскресенье

Небесная автоинспекция

Провожая, я помог гостям снести вещи в машину. Уложил в багажник их многочисленные сумки с пакетами. Потом мы с матушкой усаживали наших гостей в их кресла на заднем сиденье и пристегнули ремнями безопасности. Рассадив всех по местам, еще раз проверили, все ли те взяли с собой.

Благословив каждого, поцеловав в макушку, я смотрел за тем, как матушка их тоже целует и благословляет. Трогаясь, дочь опустила боковые стекла, чтобы все могли еще на мгновение посмотреть друг на дружку и помахать на прощанье руками. И только тогда четырехлетняя Полинка поняла, что бабушка с ними не едет. И до тех пор, пока автомобиль не скрылся за углом, мы слышали ее отчаянный рев.

А бабушка с красным от волнения лицом все крестила и крестила отъезжающую машину, потом повернулась ко мне и сказала:

– Пойдем, надо помолиться о путешествующих.

Дочь уверенно чувствует себя за рулем, но матушка права – лишний раз помолиться о тех, кого любишь, никогда не помешает. Часа через три, когда, по нашим прикидкам, путешествующие должны уже были подъезжать к своему дому, на моем телефоне раздался звонок.

– Папа, на меня гаишники составили протокол. Они заявили, что я будто выехала на встречу. А я только немного заехала на разделительный треугольник. Чуть-чуть, всего одним колесиком.

– Что сказали?

– Прибыть в субботу на разборку в ГАИ. Что грозит? Минимум – пять тысяч штрафа, максимум – лишение прав на полгода.

Начиналась первая неделя Великого поста. Все эти дни я помнил о предстоящем разборе и молился, чтобы все разрешилось благополучно. Дети часто болеют, а поликлиника только в соседнем городе, как и магазины, и аптеки, и все остальное. Куда ни сунься – все на расстоянии. Новая Москва еще слишком новая, так что без колес никак не обойтись.

В пятницу вечером мы с ней поговорили:

– Поедешь в ГАИ, в позу не вставай. Хоть и считаешь, что не нарушала, лучше не спорить и никого не злить. Там тоже люди работают. Ты с ними по-человечески – и они с тобой по-человечески. Где-то когда-то все равно нарушала. Скажешь, виновата, и заплатишь штраф. А

так дело пойдет в суд, и еще неизвестно, чем оно кончится. Да и время терять жалко. Великий пост, лучше в церковь сходи.

Зять в субботу работал, потому на разборку в районное отделение автоинспекции дочь поехала вместе с малышами. К назначенному времени в указанное помещение набилось множество народа. Кроме нее, других женщин-нарушительниц не было. Дочь заняла очередь в кабинет и, поскольку стульев в приемной тоже не оказалось, сняла с себя куртку и расстелила ее на полу. Сверху посадила девчонок, дала каждой по пачке сока и включила им мультфильм. Дети смотрели мультик, а в это время окружавшие их нарушители-мужчины, вынужденно став товарищами по несчастью, рассказывали друг другу, как и при каких обстоятельствах они попались гаишникам. И если доверять их рассказам, выходило, что никто из них ни в чем не виноват. В этот момент из кабинета вышел старший лейтенант и объявил:

– Те, которые прибыли на обмен документов, предупреждаю, не ждите. Много сотрудников болеет, потому лучше приходите в среду. Тем, которые пришли сдавать на права, по той же причине нет смысла ждать – скорее всего, тоже никто не придет.

Мамочка, обеспокоенная таким поворотом событий, не зная, как ей поступать дальше, робко из-за спин впереди стоящих нарушителей-мужчин выкрикнула:

– А тем, которые выехали на встречу, есть смысл ждать?

Нарушители дружно засмеялись, а полицейский поинтересовался:

– Это кто спрашивает?

Мужики расступились. Офицер увидел сидящих на полу детей и кивнул головой:

– Этим есть смысл ждать.

Когда подошла очередь, в кабинет они зашли все втроем. Гаишник за столом со множеством разложенных на нем документов спрашивает кратко, по-деловому:

– Как фамилия?

Пока старший лейтенант разыскивал их протокол, Полинка с интересом рассматривала красивую форму полицейского. Больше всего ее заинтересовал шеврон у него на рукаве. Она подошла ближе, улыбнулась полицейскому своей неотразимой улыбкой и, указывая пальчиком на шеврон, произнесла:

– А у дяди вот здесь машинка!

Офицер, оторвавшись от бумаг, глянул на дитя и тоже улыбнулся, потом на маму. И уже сочувственно:

– Что, мамочка, нарушаем?

– Нарушаем, товарищ милиционер. Вы уж нас, пожалуйста, не наказывайте слишком строго.

– Ладно, раз вы признаете факт нарушения, подписывайтесь вот здесь. И попробуем ограничиться штрафом.

Потом документы на всех нарушителей старший лейтенант относил куда-то на подпись и, вернувшись, объявил, что заходить к нему в кабинет за результатом все будут строго по очереди. Нарушители быстро выстроились друг другу в затылок, а мама с девчонками снова оказалась сзади.

Дверь, закрывшись, снова открывается, офицер выходит и начинает выискивать кого-то в толпе.

– Так, где здесь мама с двумя детьми? – И, заметив дочь, призывно машет ей рукой: – Ты чего не идешь?

– А я вот стою в самом конце очереди.

– Какая вам очередь?! Идите, будете первыми.

И уже в кабинете:

– Так, на первый раз штраф пять тысяч. По закону, если штраф оплачивается в первые десять дней, то его размер уменьшается вдвое. Так что радуйся и больше в течение года не попадайся – тогда уже будет лишение.

* * *

Летом этого года мы у себя в поселке планируем завершить строительство большой и очень красивой часовни в честь святителя Луки. Остались еще кое-какие небольшие отделочные работы в цокольном этаже, где мы собираемся делать учебный класс для воскресной школы.

Минувшая зима показала, где у нас в подвале слабые места. Как раз в одном таком месте мы и обнаружили протечку грунтовых вод. А это не пустяк.

Стали думать, что делать и где искать специалистов? Один знакомый, узнав о нашей проблеме, предложил помощь. Оказалось, его зять работает в метро и занимается устранением подобных протечек. Набив руку, он приобрел необходимое оборудование и теперь уже в свободное время разъезжает по округе с напарником и оказывает услуги частным клиентам. Они и сюда приедут.

– Ребята – молодцы, делают махом. И за работу берут по-божески. Тем более для храма.

Парни действительно оказались мастерами. Работали быстро, а самое главное, качественно. Почему я о них рассказываю? Поговорив с дочерью, после того как она меня уже успокоила, позвонив из ГАИ, я поспешил в часовню рассчитаться с метростроителями за выполненную работу. Прихожу – там уже и тот человек, что пригласил к нам своего зятя, и сами ребята.

Они называют цифру, у меня волосы дыбом. Тот знакомый человек – тоже:

– Ты что, сынок? Это же для храма! Куда вы столько загнули? Делайте скидку.

А сынок – нет, уперся и стоит на своем. Наш знакомый – чувствую, неудобно ему за зятя:

– Слушай, это грабеж! Давай по совести!

Парень взвился:

– Грабеж?! Извини, отец, в стране кризис, и каждый у нас зарабатывает как может. А про совесть не надо! Совесть здесь ни при чем!

Я не стал дальше спорить и отдал деньги. Жалко, конечно, сумма немалая, но, может, им они нужнее.

Вечером после всенощной включаю телефон, и почти сразу звонок:

– Батюшка, простите, это я.

Голос знакомый, а кто – не соображу.

– Да это же я, – он называет свое имя, – мы у вас в часовне протечку устраняли. Батюшка, у вас в таком-то, – он называет номер, – батальоне ГАИ нет ли кого знакомых? Так глупо попали. Мы с приятелем деньги получили, на радостях отметили. Ну, выпили, да. Так, самую малость. И поехали домой. Я не понимаю, откуда они взялись, эти гайшники? И главное, никого не трогают, а нас – хлоп! Иди сюда! Я – по газам. Да разве от них уйдешь! Короче, требуют, – и он назвал сумму, в четыре раза превышающую ту, что они получили от нас, – батюшка, вы представляете?! Иначе все, года на полтора я без прав! Нет, ну это же форменный грабеж! Гайцы эти – ни стыда ни совести! Батюшка, может, есть кто знакомые в этом батальоне, а? Похлопотали бы, сумма неподъемная! Пусть скинут, хотя бы наполовину! А?

3-я седмица (28 марта – 3 апреля)

Понедельник Как по Божией горе

Веду машину. Порой мне кажется, что я только и делаю, что служу, а между службами все куда-то еду. Или наоборот, служу, урывая время между поездками.

Спасибо тому, кто догадался установить в автомобиль радиоприемник. Иногда хоть можно послушать что-нибудь полезное. Вот и сейчас нажимаю на кнопку, и в салон свежим ветром врывается поющий под гитару, сильный и удивительно красивый женский голос.

Как по Божией горе,
Там поклонники идут.
Там поклонники идут,
В руках свечи все несут.

Аллилуйя, аллилуйя,
В руках свечи все несут.

В руках свечи все несут,
Херувимскую поют.
Аллилуйя, аллилуйя,
Херувимскую поют.

Я обрадовался, про «поклонников» моя любимая. Сколько лет слушаю эту песню, кажется, пора бы ей и надоесть, ан нет, так бы слушал и слушал. Правда, сейчас такого слова «поклонник» никто не знает, сейчас все больше паломники. Те к святыням пешком ходили, не считаясь со временем, порой покрывая тысячи верст пути. В Иерусалим не боялись ходить. Сейчас уже никто не ходит, устарело. Сегодня мы ездим, поездами, автобусами и автомобилями. На огромных скоростях, обгоняя друг дружку, спешим поклониться чудотворным иконам и святым мощам. Или отправляемся к старцам. Хотя к старцам просто так лучше не ездить. Потому как к ним едут тогда, когда хотят узнать волю Божию.

Так что паломник, прежде чем отправиться по святым местам, должен понимать: паломничество – это не просто прогулка. Хотя я не раз наблюдал наших православных туристов, всем автобусом атакующих духовного человека, потому как в программе их путешествия значилось: «благословение от старца». Без очереди идут косяками, заставляя еще дольше ждать тех, кто приехал действительно по неотложному делу, или тех, кого к старцу привела беда.

То, что, казалось бы, обычное паломничество может круто изменить человеческую судьбу, я узнал из разговора со случайной попутчицей. Мы познакомились с ней в поезде. Я возвращался от родителей из Гродно. А она отдыхала в каком-то белорусском санатории и ехала домой. Узнав, что я священник, моя попутчица обрадовалась и сообщила, что помогает в храме и дежурит за свечным ящиком в одном из больших городских приходов.

– Батюшка, как вы относитесь к «бабушкам», что заговаривают болезни? Да, те что заговорами исцеляют больных?

– Мое отношение к таким «помогающим» однозначно, я никому не рекомендую обращаться к ним за помощью.

И рассказал ей одну реальную историю. Дочь моих друзей еще со школы дружила со своим одноклассником. Сейчас они муж и жена, у них растёт дочечка, а тогда они еще только заканчивали школу. Юноша увлекался спортом и показывал пример своей подруге. И одно время они ходили плавать в бассейн. Непонятно, может, от грязной воды или по какой-то другой причине, но однажды утром он проснулся покрывшись герпесом и с высокой температурой. Маленькие волдыри густо покрывали его шею, ноги, особенно в паху, и грудь. Когда герпес высыпает на губе несколькими крошечными пузырьками, и тогда неприятно. А что говорить, когда болезнь охватит значительную часть тела. Ощущения очень болезненные. Пошли в больницу. Там развели руками, они с такими случаями еще не сталкивались и сказали, поезжайте, в областной центр в специализированную клинику, но помогут вам там или нет, это еще вопрос. И терапевт, явно сочувствуя страдающему юноше, предложила его маме обратиться за помощью к «бабушке».

Моя знакомая вспоминала то время:

– Сваха меня просит, мол, давай вместе съездим, а то мне одной страшно. Я тогда уже ходила молиться в церковь и к «бабушке» ехать не хотела. Но сваха упросила, и я в конце концов согласилась. Помню, входим в дом. Колдунья нас уже встречает. Улыбаясь, берет моего будущего зятя за руку, ведет в комнату, сажает на стул и начинает шептать быстро-быстро. Я отказалась проходить и осталась стоять у двери. До меня то и дело доносится: «Уйди! Уйди!» Мне не по себе. Невольно начинаю молиться. Читаю «Отче наш», «Богородицу», молитву Иисусову, что-то еще. «Бабушка» то и дело бросает на меня косые взгляды. Чувствую, я ей мешаю, но молиться не перестаю. Тогда колдунья поворачивается в мою сторону, машет рукой и громко произносит:

«Иди на того, у кого нет!»

На следующий день мальчик пошел на поправку, зато моя дочь превратилась в сплошной страдающий комочек. Если у моего зятя герпес располагался несколькими отдельными очагами, то у дочери, казалось, не осталось ни одного непораженного сантиметрика кожи. Более того, герпес обметал и слизистую изнутри рта, да так, что губы вывернуло наружу. Она только и могла, что лежать и тихо стонать от боли. Но если бы только это. В тот же день у нее под мышками стали образовываться огромные нарывы, в народе их называют «сучье вымя». Большие и очень болезненные. Как сейчас помню, под одной рукой их было десять штук, под другой – девять.

Наша терапевт снова отправляла меня к знакомой уже «бабушке», но я, уже наученная горьким опытом, отказалась. Лечились обычными лекарствами.

Моя попутчица призналась, что и она три года тому назад побывала у такой вот «бабушки» и та ей здорово помогла.

– Представляете, у меня неожиданно высыпал опоясывающий лишай. О, скажу вам, не дай Бог кому-нибудь испытать то, что пришлось пережить мне. Каждый день, утром и вечером, домашние делали мне уколы, и это только для того, чтобы хоть немного унять боль. К целительнице я идти не собиралась, но мой лечащий врач сама предложила. Сказала, есть болезни, наподобие опоясывающего лишая, лечить которые обычными методами трудно и долго, а «бабушки» каким-то образом с этим успешно справляются. И я пошла.

Та меня только и спросила:

«Ты в Бога веришь?»

«Верю».

Она взяла обычный кусок тряпки красного цвета и принялась крутить им у меня перед глазами. Крутит и что-то нашептывает, потом умыла водичкой, иди, говорит, теперь тебе полегчает.

Действительно, недели через две лишай начал исчезать.

– Да, интересно. Вы не первая, кто мне рассказывает о таких вещах. Скажите, а как вы заболели? Может, простудились или заразились от кого-нибудь?

– Нет, батюшка, ничего такого я не помню. Единственно, может быть, только из-за перемены климата. Накануне, перед тем как заболеть, я вернулась из Израиля. Давно мечтала побывать на Святой Земле, и наконец мечта исполнилась.

Херувимскую поют,
В Иерусалим они идут.
Аллилуйя, аллилуйя,
В Иерусалим они идут.

Там Христос проходил,
И следочки проследил.
Аллилуйя, аллилуйя,
И следочки проследил.

Всю Страстную седмицу мы жили в Иерусалиме. Где я только не побывала, к каким святыням не прикоснулась! А в пятницу отправилась вместе со всеми путем, каким Господа вели на распятие. Идти и молиться в окружении множества верующих людей, таких же, как ты, – это непередаваемое чувство. Крестный ход по Виа Долороса – самое сильное впечатление из тех, что мне удалось тогда пережить. Я шла и представляла: вот здесь Господь упал на землю, и подбежавшие стражники бьют Его палками. А вот место, где сердобольная израильтянка подала Ему плат, чтобы Он мог отереть с лица пот и кровь. И вот уже не Он, а это я иду на Голгофу и несу на плечах свой неподъемный крест. Нет, словами этого не расскажешь. Помню, иду, плачу, а на сердце удивительная легкость и, как ни странно, радость.

И следочки проследил,
И пять ран Он получил.
Аллилуйя, аллилуйя,
И пять ран Он получил.

А из правого ребра,
Текла кровь и вода.
Аллилуйя, аллилуйя,
Текла кровь и вода.

Прилетела в Москву, вот уже мой дом, квартира. Ключом открываю дверь, захожу в прихожую, ставлю на пол вещи, и тут мое тело пронзает боль.

Я слушал ее и не верил своим ушам. Вместе со мной в купе железнодорожного вагона ехал человек, которому для чего-то позволили прикоснуться к великой тайне искупительных страданий Христовых. Прикоснуться к Его боли, самым краешком, малой толикой, почувствовать ее и потрогать. Но понести ее она не смогла и отправилась «спасаться» к колдунье. Нет, ни в коем случае я ее не винил, потому как не имею на это никакого права. Тем более что сам не испытывал подобных мук. И потом, кто я, чтобы судить?

После этой встречи я стал внимательнее относиться к тем, кто побывал на Афоне или вернулся из паломничества в Иерусалим.

Часто вспоминаю мою хорошую знакомую Н., женщину цветущую и в полном расцвете сил. Чистая верующая душа, я очень любил с ней общаться. Сейчас пишу и вижу ее глаза,

лучистые и всегда радостные. Редко встречаются такие глаза. Как обрадовалась она известию, что едет в Иерусалим. Вернулась потрясенной, а через два-три месяца умерла, сгорев от непонятно откуда взявшейся онкологии.

Я тогда еще подумал, может, там, рядом с Голгофой, ей открылось нечто такое, из-за чего кто-то на Небесах счел, что сейчас самое время уйти ей туда навечно? Я верю, Господь каждого из верующих призывает в момент какого-то его особого духовного апогея. В точке наибольшего с Ним сближения, что ли.

Я? Я нет, никогда не был на Афоне и не ездил в Иерусалим. На Святую Гору не пускает стойкое чувство недостойности. Не мне ходить по этим местам, и вряд ли когда-нибудь решусь. А Иерусалим, он словно мечта. Исполнилась она сегодня, и больше ее не будет. Зачем жить, когда не о чем больше мечтать?

А Он этою водой
Весь мир напоил.
Аллилуйя, аллилуйя,
Весь мир напоил.

А честной Своею Кровью
Все грехи их омыл.
Аллилуйя, аллилуйя,
Все грехи их омыл.

А вскоре нас потрясло известие о трагической кончине матушки Т. Еще молоденькой девушкой она познакомилась со святителем, исповедником Афанасием Ковровским. Владыка тогда только освободился из мест заключения и поселился в Петушках, в скромной деревянной избушке. Т. вместе с мамой жили на той же улице, что и владыка, как раз напротив его домика. Часто у него бывала и помогала, чем могла.

Всю жизнь она прожила как монахиня в миру и только в зрелом возрасте наконец решилась принять постриг. И тоже исполнила давнишнюю мечту побывать в святом городе Иерусалиме. Она хотела поехать еще при жизни ее старенькой мамы, но не благословил духовник. Сказал: «Не время еще». Потом сам настаивал: «Езжай, а то не успеешь».

По возвращении ее спрашивали:

– Матушка Т., расскажи, что ты там видела?

Всякий раз отвечала:

– О, дорогие мои, я еще при жизни побывала в раю!

Каждый вечер матушка приходила в домик святителя Афанасия и два часа до полуночи читала Псалтирь. Одна наша верующая, из тех, что тоже приходят молиться в домовый храм, устроенный в домике святителя, рассказывала, как незадолго до гибели матушки Т. между ними произошло небольшое недоразумение, а потом, когда все благополучно разрешилось, та задала вопрос:

– Знаешь, какая добродетель самая высокая? Смирение, – и рассказала такую притчу.

В древности в одной земле жил епископ. Человек во всех отношениях достойный. Однажды мимо него стражники проводили узника, и он подумал: «Почему его арестовали? Наверное, заслужил». В этот момент подул сильный ветер и сорвал с его головы шапочку. Епископ искал ее, а она точно испарилась. И внутренний голос произнес:

«Ты осудил человека. Найди его и попроси прощения». Он пошел к стражникам, а те сказали, что этот узник только что сбежал.

Епископ много лет, сбивая ноги в кровь, ходил по свету в поисках того человека. И однажды попал в плен к разбойникам. Они схватили странника и отвели к своему главарю. И

когда узник увидел атамана, то признал в нем того самого человека, которого когда-то осудил. Увидел и упал перед ним на колени:

«Прости меня, я тогда-то и тогда-то мысленно тебя осудил. Прошу, прости меня, Христа ради». И в тот же миг он увидел перед собой свою шапочку, она была совсем новой, будто он обронил ее только что.

Разбойник был потрясен. И самой этой сценой, и тем, что этот епископ много лет искал его, чтобы попросить прощения. Он отпустил пленника с миром, а сам пошел в сокровищницу. Но вместо радости, которую он обычно испытывал, глядя на золото, вдруг пришел в ужас, увидев, что все оно в крови. И, знаешь, разбойник покался, раздал золото бедным и ушел в монастырь.

Эту притчу мне рассказал святитель Афанасий. Я ему ответила, как странно слышать про епископа, сбившего ноги в кровь. Ведь епископы не ходят на далекие расстояния, они только стоят на службах или ездят в автомобилях. Владыка ответил:

– Летом 1941 года, когда началась война, наш этап погнали собственным ходом в Онежские лагеря. Переход в четыреста километров. Изможденные, со всеми вещами, мы шли, едва передвигая ноги. А охранники подгоняли нас штыками, а тем, кто отставал, кололи икры. У некоторых не было на ногах живого места.

Я потом поняла, что под этими «некоторыми» он имел в виду самого себя.

Матушка Т. погибла рано утром, она спешила на воскресную службу. Декабрь, утром еще темно, а она очень спешила. Накануне мы с сестрами читали акафисты в домовом храме у святителя Афанасия. Во время чтения неожиданно я почувствовала дивное благоухание. Оно доносилось из-за стеклянной двери, что отделяла сам храм от остального пространства комнаты. Закончив читать, сестры, поскольку у меня есть благословение, попросили войти внутрь и вынести икону «Явления Пресвятой Богородицы преподобному Сергию Радонежскому». Этим образом Матрона Андреевна, мама тогда еще Сережи Сахарова, благословила его на иноческий путь.

Открываю дверь, вхожу и погружаюсь в благоухание. Оно стоит в самом храме, а в комнату не проходит.

Подзываю остальных, они просовывают головы внутрь и тоже наслаждаются этим запахом. Радуются:

– Это нас Владыка благословляет.

Она погибла спустя всего несколько недель после своей поездки в Иерусалим. Духовник запретил ей переходить автотрассу напрямую, только по специальному переходу под мостом. Очевидцы рассказывали, что дорога была совершенно пуста, ни одного огонька от фар. Статушка и решила сократить путь. Никто не понял, как появилась эта одинокая машина. Удар был такой силы, что священник, в это время совершающий в алтаре проскомидию – а храм отстоит от шоссе в сторону метров на двести, – услышав его, сразу понял, что кого-то сбили. И почему-то вслух произнес имя матушки Т.

Через несколько часов в Петушки из монастыря, в котором матушка принимала постриг, приехали монахини. Сестры омыли ее тело и подготовили к погребению. Монахини рассказывали, что когда омывали матушку Т., они слышали пение ангелов.

Ой, блаженный этот путь,
Куда страннички идут.
В Иерусалим они идут,
А их ангелы ведут.

Аллилуйя, аллилуйя,
А их ангелы ведут.

Аллилуйя, аллилуйя,
А их ангелы ведут.

Вторник Стержень

Сегодня ходил по квартирам, причащал больных и стариков. В одном месте на стене, как раз над бабушкиной кроватью, увидел большой фотопортрет. На нем бравый дед в военном кителе с подполковничьими погонами, со множеством медалей и двумя нашивками за ранения.

Показывая на портрет, обращаюсь к хозяйке, женщине приблизительно одних со мной лет:

– Сразу видно, сильный был человек. Хоть и старик, а мог и настоять.

Да, человек он незаурядный. Это мой дядя. Всю войну прошел, с первого до последнего дня, бывший разведчик. Только почему вы говорите «был»? Он и сейчас еще жив. Девяносто шесть лет. Каждый день пробегает по два километра. Это мама моя уже сдавать начала. Ей всего восемьдесят девять, и она уже с постели не встает. А дядя еще в прошлом году трижды в неделю пробегал по десять километров. Кроме того, у него прекрасная память и до сих пор он продолжает встречаться со школьниками, рассказывает им про разведчиков.

Я удивился. Человек на сорок лет меня старше, а физически мне с ним не сравниться. Я десять километров не пробегу ни при каких условиях. Пройти – пройду, а пробежать – нет.

– Поразительно. Интересно, а в храм дедушка ходит?

А как же. Дядя – человек верующий. У них вся семья верующие. Как говорит моя мама, их отец – и мой дед – в молодости был «певуном». Это означает, что он пел на клиросе. Когда у нас в деревне активисты повели антирелигиозную кампанию и призывали церковь закрыть, дед, наоборот, стал ходить по селянам и убеждать, что храм надо защитить. Активисты его выследили и, когда он остался один, убили. Сегодня убили, а завтра храм закрыли и ни одной иконы никому не отдали. Вот так. Потому отпевать его возили куда-то в соседнее село. Церковь стали использовать под зернохранилище. Мама рассказывала, что кладовщик на глазах у людей образами печку топил. Снимал иконы со стен, рубил топором и кидал в буржуйку. Нашел в алтаре чашу для причастия и бросил детям в песке играть. Мама заметила. Дождалась, пока чаша без присмотра осталась, тихонько ее подобрала и в огороде у себя закопала. А когда уже в наши годы начали храмы восстанавливать, принесла ее обратно в церковь. Батюшка не знал, как маму и благодарить. Радовался – старинная серебряная чаша соединила поколения верующих, будто и не было между ними семидесяти лет гонений. Теперь с ней служат на большие праздники.

Наш дедушка хоть и умер еще совсем молодым, зато его сыновья, все как один, с войны домой вернулись. Говорили, дедушка-мученик за веру их вымолил. А кладовщик и трое его детей, так те еще до войны поумирали.

Пока ходил, меня окликнули. Остановился, разговариваем. Смотрю, идет мой знакомый, в молодости с ним вместе работали. Помню, он занимался спортом, и если была нужда послать от цеха кого-нибудь на общезаводские соревнования, так его всегда и отправляли. Он и на лыжах бегал, и в многоборье участвовал. Тридцать лет прошло, иногда я его видел, всегда он такой подтянутый, спортивный. Последнее время все чаще встречаю его в состоянии хорошего подпития. Вот и сейчас тоже. Встретились, поздоровались, а на душе горько. Будто ты узнал, что не стало еще одного товарища, который шел по жизни рядом с тобой, еще с тех далеких советских времен. Тех, кто пил тогда, уже никого нет. Была надежда на этого человека, вижу – и он сломался. Мне кажется, я его понимаю. Без веры трудно не сломаться. Пока детей растишь, работаешь, чего-то добиваешься, суета, некогда остановиться и подумать. А как дети выросли,

по гнездам своим разлетелись, глядишь, теряется и смысл жизни. Суэта затихает, ты стареешь и понимаешь, что, кроме болезней, ждать больше нечего. Если человек имеет какое-то свое дело, что-то изобретает или занимается наукой, тот может и не заметить, что уже состарился. Тот и не остановится и не подумает. Пишут, конечно, про старушек, осваивающих компьютер, про вечера отдыха для тех, кому за... Только баловство все это. Чем старше человек, тем насущнее для него ответ на вопрос: зачем? Зачем он пришел в этот мир и куда идти потом? Не находя ответа, от всей этой бессмысленности и безнадёги, в страхе перед болезнями и неизвестностью многие подсаживаются на бутылку. Вот и очередной мой товарищ сломался.

Среда Настя

Мне позвонили и попросили поговорить с одной женщиной. Предупредили, что она еще молода, но, увидев ее в храме сидящей на лавочке у окна, подумал, что ей никак не меньше сорока. Так бывает, беда женщину старит. Человек просто так в храм не приходит. Если идет, то потому, что ему плохо или совсем плохо. Когда все в порядке, Бог обычно не нужен.

Прежде Анастасия (мне сказали, что ее зовут Анастасия) в церковь не ходила. Нет, не то чтобы совсем не ходила. Как все, порой, между дел она заглядывала в какой-нибудь храм и, как все, ставила свечи «на удачу и за здоровье». Настя уже успела окончить университет и даже получить ученую степень, но зачем она ставила свечи и как эти маленькие восковые палочки могут распорядиться ее судьбой, никогда не задумывалась. Учась в аспирантуре, Настя вышла замуж. Ее муж, человек во всех отношениях положительный, практически не имел недостатков. Он не выпивал, не курил, не рвался каждое воскресенье с приятелями поболеть за любимую команду. В глазах тех, кто знал ее мужа, они были идеальной парой и прекрасно подходили друг другу. Хотя, в отличие от жены, у него имелся лишь диплом выпускника строительного техникума.

С детьми, пока Настя писала кандидатку, решили повременить. Потом, наверное, привыкли, что живут вдвоем, и вопрос о ребенке не поднимался. А может, просто не получалось, не знаю, но детей у них не было. Мирно, никогда не скандаля и даже не ругаясь, семья прожила пять лет, а потом случилась беда. Как-то сама по себе случилась, буднично и незаметно для стороннего глаза. Однажды вечером он просто не пришел домой. Вот и все.

Настя, как обычно вернувшись из университета, принялась готовить ужин и встречать мужа. Она приготовила его любимое мясо, а он все не шел. Забеспокоившись, Настя то и дело набирала его номер, но телефон молчал. Не зная, что и думать, она провела бессонную ночь, и только утром он сам позвонил и сказал:

– Меня не жди. Я ушел и больше к тебе не вернусь. Настя предположила:

– У тебя другая женщина?

– Нет.

– Ты меня разлюбил?

Он ответил вопросом на вопрос:

– Между нами была любовь?

– Я чем-то тебя обидела? Тогда, пожалуйста, прости меня. Ты скажи, я все исправлю.

– Ты ничем меня не обидела и все делала правильно. А почему я ушел, ты этого не поймешь. И прошу, больше на мой номер не звони, тебе я все равно не отвечу.

После разговора с мужем Настя и появилась у нас в храме. Ее подруга, наша прихожанка, предложила ей поговорить со священником и привела в храм. Это потом я узнал, что Настя человек ученый, кандидат наук и просто симпатичная девушка. А в ту минуту передо мной сидела старушка не старушка, а не пойми что такое, одетое в бесформенную куртку. Голова у этого существа была замотана, тоже трудно сказать, то ли в полотенце, то ли в длинный

широкий шарф. Это что-то закрывало половину ее лица, видны были только глаза и нос. В красных, воспаленных от бессонницы глазах – слезы. Я сел рядом на лавочку, и мы с ней просто поговорили. Брошенный человек, или, как в народе говорят, «брошенка», без вины виноватая.

– Не понимаю, что я могла такое сделать, что самый близкий мне человек ушел от меня в ночь, буквально в никуда.

После той беседы Настя приходила в храм снова и снова. Постепенно она переделалась в другую куртку и в конце концов сняла то, что вместо платка накручивала себе на голову. Наконец я разглядел в ней ту самую молодую симпатичную женщину, о которой мне рассказывала наша прихожанка.

Сперва она просто бывала на службах, слушала проповеди священника и пение клироса. Месяца через два Настя начала готовиться к своей первой исповеди и впервые причастилась. По вечерам, обычно раз в неделю, вместе с желающими мы читаем и комментируем тексты из Священного Писания. Вскоре Настя стала появляться и на занятиях. В то же время она старалась держать меня в курсе своих дел, иногда спрашивая совета. Несмотря на запрет бывшего мужа выходить с ним на контакт, Настя сделала еще несколько попыток поговорить о том, как им жить дальше. Она предлагала ему встретиться просто для того, чтобы пойти в ЗАГС и подать заявление на развод, но бывший супруг встречаться отказывался категорически.

– У меня такое впечатление, – делилась она со мной своими предположениями, – что кто-то напугал моего бывшего, будто бы я «навела на него порчу» и любая встреча со мной погубит его окончательно.

Развод пришлось оформлять в отсутствие ответчика. Материальных претензий бывший супруг предъявлять не стал. Для Насти так и оставалось загадкой, почему он ушел. Зная, где он живет, она наводила справки. Ей ответили: он всегда один, и другой женщины рядом с ним нет.

С того памятного появления в нашем храме несчастной, раздавленной горем «брошенки» прошло полгода. Однажды вечером после окончания очередного занятия я проводил Настю до стоянки такси. Пока шли, я ее спросил:

– Настя, прошло полгода с того дня, как от тебя ушел муж. Я помню, какой ты тогда была несчастной. Что сейчас к нему испытываешь – ненависть, обиду, простила или еще рано?

– Обиду? Не знаю. Во всяком случае, ненависти я не испытывала к нему никогда. Разве что недоумение: почему? Пять лет мы прожили вместе, и все это время с его стороны я видела только хорошее. Я любила его и была счастлива. Увы, время наших с ним отношений закончилось. Я благодарна ему за все и жалею только об одном, что не родила от него ребенка.

В храм она больше не приходит.

Четверг

Перевернутая страница

Тепловоз медленно следует по главному ходу и тащит за собой несколько порожних вагонов. Мы с матушкой стоим на пассажирской платформе в ожидании электрички на Москву. Я провожаю вагоны взглядом до тех пор, пока тепловоз не скрывается из вида.

– Кого-то узнал? – интересуется матушка.

– Трудно сказать. Уж очень давно я не работаю на железной дороге.

– И до сих пор вспоминаешь то время?

– Вспоминаю, и довольно часто.

На самом деле, хотя моя работа была тяжелой и даже опасной, вспоминаются те годы тепло. Хорошее было время. Я и чувствовал себя совсем по-другому. Не знаю, может, потому, что был моложе. Я работал составителем поездов. Вспоминаю себя тогдашнего, тридцатилетнего. На ногах кирзачи или ботинки с толстой подошвой, на плечах телогрейка и оранжевый жилет. Рация, свисток, а ночью вдобавок еще и большой шахтерский фонарь. Условия работы

здоровые, всегда на свежем воздухе, и днем и ночью, в жару и в холод. Повиснешь на подножке вагона и подаешь команды машинисту тепловоза. Самое трудное было распускать поезда с горки. Тепловоз толкает состав вперед вагонами, а составитель при помощи длинной металлической вилки в этот момент должен, изловчившись, подлезть между вагонами и расцепить сцепку. Правда, вилкой не всегда получалось, и тогда приходилось действовать по-другому. Были у нас отчаянные ребята, те вообще входили в междвагонное пространство и расцепляли сцепку голыми руками. Конечно, это небезопасно. Я видел, как людям отрывает ноги и руки, но это чаще по собственной вине или неосторожности. Если соблюдать технику безопасности и не пить, то работать можно.

Помню мы трудились в дневную смену и к полудню распустили с горки все поезда, скопившиеся в парке приема. Только один-единственный состав почему-то не трогали, он так и оставался стоять еще с ночной смены. Погода с утра была отличная, но к обеду начала портиться. Вокруг, насколько хватало глаз, небо оставалось чистым, а над нашей сортировочной горкой собрались черные-пречерные тучи. В парке приема единственная разборка, и мне ее отцеплять. Потом моя очередь закончится, и наступит очередь ездить сопровождать вагоны. Сейчас на нас обрушится ливень. Летние ливни, хоть и обильны, но непродолжительны. Минут за пятнадцать прольются, а потом снова солнце. Лишь бы только Шукин не надумал именно в этот момент двинуть на горку единственный оставшийся в парке приема состав. Для составителя нет ничего хуже, как угодить под такой ливень. Штатный дождевик спасает лишь от редкого морозящего дождика, но никак не от ливня. И без того тяжелый, он быстро намокает и окончательно сковывает движения, а при нашей работе это опасно. И потом, прорезиненная ткань не пропускает тепла, человек в дождевике быстро перегревается и начинает потеть. Вроде как от дождя спасаешься, а внутри все одно – одежда мокрая. Потому, работая на горке, дождевиками мы практически не пользовались. Вымокнешь под дождем и бежишь переодеться в сухое. Это спасало.

Шукин – наш дежурный по горке. Он контролирует всю технологическую цепочку. Человек пьющий, как переберет, лезет драться. Поэтому в компании его избегали. Трезвым он любил поохмить, чаще всего над нами, составами. Обычно мы ему никак не отвечали. Боялись разозлить. Шукин запросто мог подать на тебя рапорт, а начальство с нами особо не церемонилось. Утром после ночной смены вызовут на отчет, пять минут, и вот ты уже без премиальных.

Слышны первые тяжелые капли. Они то и дело стучат по крыше нашего крошечного домика для обогрева. Сегодня в смену вышли четыре составителя, но работы нет, делать нам нечего. Двое играют в карты, третий читает, я, поскольку моя очередь, слежу за парком приема и отцепляю вагоны. Стук падающих капель учащается, приближение ливня сопровождается угрожающим ревом. Вот уже полил как из ведра. Только бы Шукин не надумал снова развлечься. Делать ему сейчас тоже нечего, а книжек он не читает. Инструкция по технике безопасности не запрещала работать в дождь, хотя деревянный настил, по которому мы бегали, во время дождя становился скользким и небезопасным. Отказаться и не отцеплять нельзя. Каждый день в отдел кадров приходили люди, согласные на любую работу. Мы знали об этом и рисковали молча.

– Эй, горка! – оживился Шукин. – Нечего дрыхнуть! Выходи на разборку.

По громкой связи мне слышно, как хихикают дежурные и операторы – надежно укрывшись от непогоды, они смотрели на нас сверху из высоко расположенного эркера.

– Интересно, кому на этот раз «повезло»? – продолжает Шукин.

Кто-то из моих товарищей отвечает:

– Снова Шурику «повезло»! Согрешил, наверное!

Мне действительно тем летом «везло». Все ливни, как нарочно, выпадали на мою долю. Удачная шутка про «согрешил» понравилась, ведь, кроме меня, верующих в смене не было,

и громкая связь разразилась смехом. Наверняка многие понимали, что в такой ливень работать на горке опасно, и даже сочувствовали бедолаге составителю, но про «согрешил» действительно было смешно.

Огромным, сквозь водные потоки едва различимым темным пятном неумолимо приближались вагоны. На мгновение ощутив, словно нахожусь на арене древнего Колизея, я решительно поправил кепку и вышел им навстречу. До сих пор, бывает, снится, как я остаюсь стоять за дверью, а весь многотонный состав под матерный вой дежурного отправляется вниз. Он кричит, а я улыбаюсь и не двигаюсь с места. Во сне я смог устоять, а в реальной жизни не получилось.

Мне снова повезло, отработал без происшествий, и ливень прекратился. Так же внезапно, как и начался. Зато с меня самого лило, как из-под водосточной трубы. Не осталось ни одной сухой нитки, даже в сапогах хлупала вода. Нужно спешить переодеться. Я уже собрался бежать, но поступила команда «на тепловоз». Моя очередь ехать. Перекинул рацию через плечо и взобрался на подножку.

После ночной смены, уже в электричке, возвращаясь домой, почувствовал, что заболела. Ливни сделали свое дело. Жена с дочкой в это время гостили у бабушки. Так что в плане лечения рассчитывать приходилось только на себя. Открыл дверь, как-то разделся и упал на диван. Вечером очнулся. Хотелось пить, пытался встать, не получилось. Еще никак не мог дотянуться до носового платка. Платок рядом, а я никак не дотянусь. Что было дальше, как лечился, ничего не помню. Только с тех пор хронический бронхит стал моим спутником на всю оставшуюся жизнь. И к Щукину – стойкое чувство неприязни тоже.

Спустя много лет, уже священником, я часто вспоминал железную дорогу, своих товарищей, и вместе с ними обязательно Щукина. Мне бы его забыть и все, что с ним связано, а не получается. Ходил к духовнику, каялся. Все одно не отпускает. Видимо, ненависть, как и любовь, – это навсегда.

– Батюшка, лет пятнадцать назад я работала продавцом в одном частном магазине. Хозяйка заподозрила меня в воровстве. Женщина невыдержанная, накричала на меня и выгнала с позором. Зарплату, понятно, отдавать не стала. Я тогда на нее очень обиделась и даже отомстить мечтала, но что я могла? Только забыть. Иногда мы случайно пересекались с ней где-нибудь в городе, и тогда все возвращалось. Она уже, конечно, ничего не помнила и шла спокойно, не обращая на меня внимания. У меня же внутри все клокотало, хотелось наговорить ей всяких гадостей, и я, боясь, что не сдержусь, спешила быстрее пробежать мимо. Потом я начала регулярно ходить в церковь на службы, исповедовалась и причащалась. И вот однажды на литургии, причастившись, я пошла потребить записку. В очередь к чаше я стояла последней, и кусочек антидора, что дожидался меня на блюде, тоже оставался последним. Я уже была взяла его в руку, как за мной к записке подошел еще один человек. Поднимаю глаза, а это она, моя бывшая хозяйка. Оказывается, она тоже причащалась, но антидора ей уже не досталось. И потом произошло чудо. Я разделила пополам оставшийся кусочек хлеба и протянула его человеку, когда-то много лет назад сделавшему мне очень больно. Она улыбнулась и, поблагодарив, отошла. Эта женщина меня не помнила, зато я ее никогда не забывала. И вдруг ощущаю прилив радости, независимо от меня моя ненависть улетучивается и исчезает. Так она перестала быть моим врагом.

Я уже запомнил эту историю, рассказанную мне одной из наших верующих, а вспомнил ее совершенно внезапно, когда, проезжая по трассе, заметил на обочине двух голосующих мужчин. Обычно я не подвожу тех, кого не знаю, а здесь остановился. И даже немного сдал задним ходом. С утра не переставая накрапывал холодный осенний дождь. Эти люди наверняка уже промокли и озябли. Но я остановился не потому, что пожалел. Просто они были одеты в знакомые мне дождевики, что выдавались в мою бытность железнодорожником. Еще лицо одного из них мне тоже показалась знакомым.

– Борода, – обращаясь ко мне, проговорил он заплетающимся языком, – подкинь до города. Мы тут вообще замерзли, а денег нет... Пожалуйста.

В этот момент я и узнал в нем Щукина. Больше по голосу, потому что внешне это уже был совсем другой человек.

– Спасибо, борода. Хорошо у тебя в машине, тепло. Мы с ним, – Щукин показывает пальцем в сторону приятеля, устроившегося на заднем сиденье, – на семьдесят пятый километр за капустой ездили, а сторож заметил и спустил на нас овчарку. Прикинь, я вот упал, видишь, дождевик порвал. Еле отбились. Вымокли, хорошо с собою было, а так бы совсем окоченели. Слышь, борода, ты на железке здесь у нас на станции, часом, не работал? Нет? Чего-то мне твое лицо знакомо.

Я не ответил. Узнай бы он меня, я бы не утерпел и обязательно спросил, помнит ли он, как просто так, безо всякой надобности гнал меня отцеплять вагоны под проливным дождем? Вместо этого я перевел тему на него:

– А ты, как я понимаю, со станции. Все еще работаешь?

– Нет, уже на пенсии. Что делаю? Пью. С такой жизни запьешь. Сын окончательно сколосся, глаза бы мои на него не глядели.

Я довез их до места. Щукин, выходя из машины, ударил себя кулаком по ладони и сказал:

– Слышь, борода! Я тебе что скажу! Если кто тебя здесь тронет, вот только пусть попробует. Ты мне скажи, понял. Я – Вовка Щукин, меня здесь все боятся. Короче, мы теперь с тобой друзья.

И Щукин в порванном плаще, поддерживаемый приятелем, похромал к своему дому.

Смотрю на его ссутулившиеся плечи, согнувшуюся спину. Видать, хорошо им досталось. Молодец сторож, свое дело знает. Прокручиваю наш разговор и то, что он рассказал о сыне, и чувствую: мне жалко этого человека. Потом вспоминаю, как все эти годы держал на него зло, и мне становится стыдно. И обидно, зачем я себя так долго мучил? Слава Богу, что произошла эта встреча, что остановился и не проехал мимо. Хотя и пришлось делать крюк, чтобы отвезти моих спутников. В жизни случайностей не бывает. Только еще раз в этом убедился. Если искренне хочешь исцелиться от своего темного начала, Господь тебе и врачей пошлет, и выпишет лекарство.

Вот наконец из-за поворота показалась электричка на Москву. Я благословляю матушку, целую и отдаю ей вещи. Потом наблюдаю через стекло, как она устраивается рядом с окошком и машет мне рукой. Я показываю ей знаками, чтобы она, как доедет, обязательно мне позвонила. Она понимающе кивает головой и улыбается. Странно, всякий раз провожаю, прошу ее об одном и том же, она улыбается, кивает головой, но никогда не звонит. Спрашивается, зачем я снова и снова повторяю эти свои знаки? А может, она меня не понимает? Ладно, сам позвоню.

Электричка подает сигнал и срывается с места. И тут же из-за перрона появляется путейская бригада. Все это время они ждали, когда пройдет электричка на Москву, и они пойдут по путям, толкая перед собой по рельсам специальную измерительную тележку на колесиках. В сапогах с толстой подошвой, грязных оранжевых жилетках и в промасленных рукавицах. Пятнадцать лет, как я уже не работаю на железной дороге. Иногда думаешь, все, перевернутая страница. А работяг увидел, и захотелось одного, подойти к ним, обнять и сказать:

– Мужики, я такой же, как вы, настоящий железнодорожный. Просто последние пятнадцать лет не ношу на плечах оранжевого жилета. Только не носить вовсе не значит, что я его снял. Я все тот же. Пожалуйста, доверьте мне толкать эту тележку.

Путейцы, громко хрустя гравием, проходят мимо. Они заняты важным, ответственным делом. Они отвечают за нас, им некогда смотреть по сторонам. Ни дождь, ни снег, их ничто не остановит. Вот они уже далеко, и вся бригада сливается в одну большую оранжевую точку. Я смотрю им вслед, а губы беззвучно все продолжают и продолжают:

– Мужики! Мужики...

Пятница Вестник

Сегодня первое апреля. День рождения моей мамы. Первый раз мы встречаем его без папы. Память снова возвращает в трагический для нашей семьи август прошлого года. Только-только похоронив отца, я вернулся из Беларуси. Помню, как спешил успеть на Преображение Господне.

На сам великий праздник, отслужив литургию, поехал в другое село, в храм к нашим ближайшим соседям. Накануне отец благочинный позвонил и благословил меня принять участие в отпевании бывшего настоятеля этого храма, старенького отца Агафона. На покой тот ушел лет пятнадцать назад, но я еще застал его служащим священником. Близко мы с ним не соприкасались, но сослужить доводилось. Много лет я о нем ничего не слышал, думал, что отец Агафон уже помер, ан нет, оказалось, батюшка дожил до восьмидесяти восьми годов и скончался в доме для престарелых.

На отпевание отца Агафона я опоздал, потому как после праздничной литургии отпевал еще и у себя в храме.

Приезжаю в село. Тамошняя церковь стоит отдельно от жилых домов в окружении огромного действующего кладбища. Здесь же и дом священника. Получается, что живет человек прямо посреди могил вместе с матушкой и детьми.

Как-то я его спросил:

– Бать, не страшно, покойники по ночам не беспокоят?

Отец Петр рассмеялся:

– Однажды владыка задал такой же вопрос нашему знакомому отцу Н. Его тогда из городского храма перевели служить на кладбище. Мол, каково тебе здесь, обстановка не угнетает?

«Владыка, что вы?! – замахал руками отец Н. – Здесь, на кладбище, я только и ожил!»

Я замечая в сенях у него небольшой топор, в углу прямо возле входной двери.

– А это тебе зачем, если покойников не боишься?

– Так это больше, чтобы живых припугнуть. Бывает, что и безобразничают.

– Тогда, может, лучше ружье? Вверх пальнешь для острастки, всех и распугаешь.

Отец Петр вздыхает:

– Нет, никого этим не испугаешь. Грамотный у нас теперь народ. Прежде чем храм ограбить, он же всю сопутствующую литературу прочитает. Помнишь отца Г.? Он ведь тоже здесь когда-то служил. И у него было ружье, как ты говоришь, «для острастки».

Однажды ночью, заслышав шум, берет он свою двустволку и отправляется на разведку. И что ты думаешь, на самом деле воры. Отец Г. как закричит. Схватил ружье, точно палку, и в атаку. Один разбойник убежал, а второго он догнал и перетянул его ружьем по спине. Да так, что у ружья приклад отломился.

«Больно-то как, – причитает разбойник и продолжает: – Поп, а поп, что же ты так дерешься-то, а? Ты книжки свои почитай! Нельзя вам, попам, народ колотить, а ты бьешь, да еще и так больно. Эх, креста на тебе нет...»

Представь, когда это было. А сейчас повсюду интернет, так что кричи, стреляй, никто нас всерьез не испугается.

Подъехал к храму, вышел из машины и стал облачаться, так, чтобы войти и не медля присоединиться к молящимся. Откуда ни возьмись, рядом появился Андрияха, бригадир похоронной бригады. От него разит перегаром.

– Ты чего опаздываешь? – Видит, что я облачаюсь, тут же предлагает: – Давай помогу. А что, я умею. Мы сегодня ночью старенького батюшку с отцом Петром вдвоем облачали и в гроб укладывали. Если что, я и тебя облачу.

– Спасибо, Андрюша. Никогда в тебе не сомневался. Он хватает мою фелонь и сопровождает меня до входа в церковь.

На удивление в храме много народу, еще помнят. Священническое отпевание длится очень долго. Многие устали и, примостившись, где только можно, сидя слушали отпевание.

Уже похоронив старенького батюшку Агафона, отец Петр мне сказал:

– Он умер совсем неожиданно. Месяца не прошло, как мне на почту прислали его фотографию из дома престарелых. Такой он бодренький, в подрясничке, сидит в кресле на службе. И вот на тебе. Совсем неожиданно.

На помин никто из отцов не остался. Оно и понятно, у всех дела.

– Хоть ты останься, – попросил батюшка. – А то как-то нехорошо получается.

Я остался. Буквально на днях мы точно так же поминали моего папу. На 19 августа ему как раз выпадал девятый день.

– Согласись, – продолжает отец Петр, – тоже чудо. На улице тепло, в храме тепло. Тело усопшего вообще никак не обрабатывали, а оно не смердит. Стали мы с Андрюхой его облачать, думал, подризник резать придется, а нет. Тело мягкое, сгибается в суставах. Облачили без проблем.

Мы поговорили с батюшкой на эту насущную тему, вспомнили, как хоронили других наших собратьев священников. Потом отец Петр проводил меня до машины. Я уже собирался садиться за руль, и в этот момент к церкви подъехал квадроцикл с двумя дачниками, мужчиной и женщиной.

– Батюшка, – обращаются они к отцу Петру, – нам бы ладану надо купить.

Отец Петр пошел с дачниками в храм. Открывает входную дверь. Втроем они проходят внутрь, а еще через минуту батюшка возвращается на паперть и кричит мне:

– Как хорошо, что ты еще не уехал! Иди посмотри, тебе будет интересно!

Я захожу в храм и вижу сидящую на возвышении под иконами белую голубку. Дачники радостно фотографируют птицу. Она сидит спокойно и никак на них не реагирует. Я не удержался и тоже сфотографировал.

– Смотрите, у нее на лапке кольцо. Видимо, это декоративный голубь, весь белый, а головка темная. Вот только откуда он здесь взялся? Тринадцать лет служу в этом храме и ни разу не видел рядом с ним голубей. Галки, вороны – этого предостаточно, а голубей нет. Как-то ведь залетел, а мы его не заметили, – недоумевает отец Петр.

Много раз я слышал, что после смерти праведников, сразу или во время похорон, рядом с гробом, а то и в комнате в доме с закрытыми окнами, люди видели непонятно откуда появившуюся белую голубку. Думал, что это такое благочестивое преувеличение. Оказывается, на самом деле, бывает. Но вслух предположил:

– Может, из дачников кто голубей держит?

– Может, и держит, – отозвался отец Петр, – народу здесь много, кто кроликов, кто поросят.

Мы посмотрели друг на друга и одновременно перекрестились:

– Помолись о нас грешных, батюшка Агафон.

Суббота

Поминовение усопших

Мы ехали и всю дорогу говорили о собаках. Любимая тема моего приятеля, он опытный собачник, а я – так, просто чтобы поддержать разговор.

– Моя Сима, московская сторожевая, – не смотри, что собака! – страсть как любила придумывать разные розыгрыши. Приезжаю в деревню покормить нашу собачку, открываю калитку. Та как бы нехотя выходит из вольера, а потом – прыг! – и давай по улице носиться. А

собачка-то размером с теленка. Народ в разные стороны разбегается, прячется, и кричат нам, мол, ловите вашу псину или жалобу участковому подадим!

Представь, март месяц, снег уже подтаял, и мы втроем, бабушка, мама и я, расставив руки, движемся навстречу резвящейся Симе. Долго она от нас так бегала. В конце концов загнали ее к реке. Купаться в холодной воде собака не захотела и решила сдаваться. Опускается эта гора на коленки и, поскуливая, ползет мириться. И что интересно, из нас троих выбрала бабушку, к ней подползла. Бабушка внешне строгая, а на самом деле из нас самая добрая.

Я это к чему? Смотри: казалось бы, неразумное животное безошибочно различает в человеке злое начало и доброе, интуитивно выбирая добро.

А что такое интуиция? Вот послушай. Наш храм находится в деревне. Стоит в окружении множества дач. Был у нас сосед, Костя-москвич. Построил на участке большущий дом, а для охраны завел двух среднеазиатских овчарок. Днем держал в вольере, ночью выпускал во двор. Тоже они у него убегали, но я не об этом. Костя умер, ну, пускай пятого февраля, а ровно через полгода, пятого августа, померла одна из его собачек, а в годовщину Костиной смерти, ровно пятого февраля следующего года, померла вторая. Почему такое совпадение? Тоже интуиция?

А вот еще: однажды перед Пасхой, в Страстную субботу, у другого соседа с цепи срывается кавказская овчарка. Сорвалась, но далеко не убежала, залегла в кустах у дороги и выжидает. Люди на ночную службу идут, а она молча выскочит, хватъ прохожего за руку – и снова в кусты. Пока нашли хозяина, пока тот свою собаку увел, псина трех человек покусала. Тоже интересно, почему напала именно на этих, а других не тронула?

Не знаю и думаю, что не узнаем никогда. Фильм «Офицеры» помнишь? Там главного героя Алексея Трофимова играет актер, который вообще не учился театральному делу. Как увидели его специалисты, сказали, настоящий артист, и пригласили на съемку. С тех пор и играл.

Прежде чем стать артистом, он воевал на войне, геройский был моряк. Была у него особенность – с детства любил собак. И у себя на торпедном катере тоже завел собачку. Однажды, не знаю, может, во время боя, эта собака вдруг бросилась в море, морячок тут же за ней, спасать. И в этот момент в катер попадает немецкий снаряд. Взрыв, весь экипаж погибает, остается только он и его пес.

Всю жизнь потом этот человек заботился о бродячих собаках, как мог, помогал, кормил, лечил. И дома у него обязательно жила какая-нибудь дворняга. Знаешь, есть такая порода людей, для них кошки или, как для этого артиста, собаки – это все, смысл жизни. Сам не поест, а собаке принесет. Детей он не нажил, потому собаки для него были вместо детей.

Время пришло, сперва он помер, через два года – жена. Все. Дети на кладбище не придут, некому приходить.

Зато, говорят, могила этого артиста стала местом паломничества бродячих собак. Что интересно, тех собак, которые могли знать этого актера, уже нет, а собаки все идут. Выходит, рассказывают они друг другу о добром человеке, не забывают.

К чему это я о нем? А, да! Пока живешь, нужно кого-то любить, чтобы потом, когда призовут к ответу, остался хоть кто-нибудь, кто был бы тебе благодарен. Если не человек, так хотя бы собаки. Чтобы хоть кто-то пришел к тебе на могилку, зажег свечу и помолился за упокой твоей души. И если не по-человечески, так хотя бы по-собачьи.

Воскресенье Осознание Креста

Недавно вижу во сне моего хорошего знакомого, он ведущий на одной из православных радиостанций. Иногда он мне звонит и требует, чтобы я начитал на диктофон и прислал ему несколько своих рассказиков, а они их пустят в эфир. На самом деле он, конечно, просит,

но когда тебя просят таким громоподобным басом, то даже мысли не появляется увильнуть, сославшись на постоянную занятость. Привыкнув в армии не столько командовать, сколько подчиняться, вздыхаешь и отправляешься искать средства к реализации поставленной тебе задачи. Благо звукооператор в нашем поселковом Дворце культуры, мой друг Сережа, не отказывается помочь.

Так вот, снится мне, будто сегодня у Н. день рождения. Во сне я его поздравляю и дарю очередную аудиозапись. Проснулся, сон помню отчетливо и думаю: а вдруг на самом деле у человека сегодня день рождения? А что, Н. у меня в синодике записан, я о нем молюсь, вот его ангел мне и подсказал. Позвонить, поздравить? Представил, как звоню, и его ответный рокот: «А где обещанный подарок?»

Да, где подарок? Нет подарка. Тогда нечего и звонить.

Утро началось с обхода немощных и больных. За время Великого поста я должен побывать у всех тех, кто не в состоянии сам побывать в храме. И в самом поселке, и в окружающих нас деревнях. Причащаю, соборую. Со стороны, занятие вроде рутинное, а мне нравится. Верующие старики, свидетели ушедшей эпохи, последние, кто еще может рассказать о войне и времени гонения на Церковь. Молящиеся – люди смиренные, ничего не требуют и никого не осуждают. Придешь, а они радуются тебе, как дети: «Батюшка, ты наш доктор».

Вдруг раздается звонок и следом – бас моего товарища:

– Батюшка, как я рад вас услышать! – Хотя, когда он звонит, слушать большей частью приходится мне.

Перехватывая инициативу, поздравляю Н. с днем рождения, а он смеется:

– Ох, спасибо! Хотя день рождения у меня и не скоро, но подарок приму с благодарностью!

Эк я опростоволосился. Сколько раз себе говорил, не доверяйся снам! Пришлось созваниваться со звукорежиссером Сережей и договариваться о времени очередной записи.

После обеда, уже с переброшенными на флешку новыми начитанными мною рассказами, спускаюсь по лестнице Дворца культуры. Внизу шум. Прислушиваюсь. Несколько голосов говорят одновременно и очень громко. Так бывает, когда, пытаясь доказать кому-то собственную правоту, люди друг другу кричат, а слушать никто никого не слушает. Потому, чтобы быть услышанным, приходится кричать еще громче. Спустился на первый этаж и увидел в фойе людей, много, человек около сорока. Оказалось, наша поликлиника и дневной стационар передаются под новое руководство. Когда-то, это еще в советские годы, в поселке была собственная очень хорошая больница, сейчас от нее уже мало что осталось. Люди, опасаясь, что больничку и вовсе закроют, пришли протестовать. На крики к ним вышел глава поселка, и хотя местной власти больница не подчиняется, все недовольство народ адресует ему.

Протестующие – люди пожилые. Они кричат, жалуясь на плохое медицинское обслуживание, на равнодушие врачей. Они вспоминают, как было раньше и как раньше было хорошо. Вспоминают смотры художественной самодеятельности и постоянные спортивные соревнования в тогда еще совсем молодом поселке. И они тогда были молодыми. Кто думал, что жизнь так повернется?! Теперь они никому не нужны, больные, с нищенскими пенсиями. А еще и больничку могут прикрыть. Единственная отдушина – можно кричать. Глава молчит, а они кричат, и, возбуждаемые безнаказанностью, кричат все громче и громче. Так себя ведут маленькие дети. Эти старики словно такие же дети. Только злые дети, обремененные опытом прожитой жизни, нераскаянными грехами и укоренившимися страстями. Их очень жалко.

Одно порадовало: среди митингующих нет тех, кто ходит в храм. Они старые и больные. Им не на кого надеяться. Больничка, хоть и плохенькая, для них как иллюзия вечной жизни здесь, на земле. Страх неумолимо приближающейся смерти заставляет их кричать.

Сегодня утром, еще перед службой, прикладываюсь к лежащему на аналое кресту. Рядом со мной стоит одна наша постоянная прихожанка. Мы спели тропарь, и она мне говорит:

– Помню, мне провели очередную химиотерапию, после которой я почувствовала себя очень плохо. Так плохо, что, наверное, потеряла сознание. И вижу себя где-то в необычном месте. Вокруг меня свет, лица людей радостных и улыбающихся. Мне очень хорошо, и я не хочу возвращаться назад. Но пришлось. Очнулась – и снова отравленное тело, ощущающее собственную немощь. Раздавленная болезнью, с путающимися в голове обрывками мыслей, я вдруг неожиданно для себя запела: «Кресту Твоему поклоняемся, Владыко! И святое Воскресение Твое славим!» Уж как я там пела, не знаю, только все повторяя и повторяя эти слова, пела их с благодарностью. Господь дал силы подняться, снова хожу в храм, молюсь вместе со всеми. Батюшка, какая же это милость Божия, что у нас есть храм!

4-я седмица (4-10 апреля)

Понедельник Спецодежда

Любой род человеческой деятельности имеет свои особенности. Наш священнический, кстати, тоже. Именно нам чаще, чем кому бы то ни было, приходится сотрудничать с работниками ритуальных услуг. Я имею в виду тех, которые сперва заносят усопшего в храм для отпевания, затем выносят гроб и отвозят его на кладбище. Но это я так, больше для красоты говорю «заносят», «выносят». На самом деле гроб обычно «затаскивают», пыхтя и отдуваясь, трое-четверо мужичков странного вида и в таких же странных одеждах. Например, в каком-нибудь военном кителе без погон или спортивном трико неуместного красного цвета.

Раньше было не так. Я еще помню время, когда похоронами занимались сослуживцы усопшего, его родственники или соседи. Они же и сбрасывались на похороны и помин. Люди помогали друг другу, и погребение становилось общим делом. Кто-то подряжался идти копать могилу, кто-то готовил селедку под шубой и салат оливье. Вместе хоронили и вместе поминали, обычно дома и редко в ресторане. И одевались, кстати, в приличествующие одежды, включая и тех, кто нес гроб и кто его закапывал.

Потом вместо родных и сослуживцев похоронами занялись специализирующиеся на этом деле многочисленные фирмы по оказанию ритуальных услуг. Они взяли на себя все хлопоты и по перевозке усопшего, и по рытью могилы. Оказалось, что это удобно, и к ним стали обращаться. Поначалу могилы копали все больше алкоголики и бывшие зэки, потом вдруг как-то сразу появились узбеки и потеснили алкоголиков. Появление в храме иноверцев воспринималось как что-то неправильное. Все знали, что их труд нелегкий и что они давно уже заменили наших людей на многих тяжелых работах. Им сочувствовали, жалели, особенно зимой в морозы, и все же понимали – это неправильно. Потому что есть нечто такое, что мы должны делать сами, несмотря на то, что это трудно и доставляет нам, пока еще живущим, множество хлопот и неудобств. Прощание с близким человеком для семьи дело очень личное и почти всегда соприкасается с храмом. Оно и понятно. Душа усопшего дорогой отцов отправляется в вечность, а если не отцы, так праотцы были людьми верующими, церковными. Когда, как не при таких грустных обстоятельствах, задуматься о вечном?

Но к хорошему привыкаешь быстро, и отказаться от услуг иноверцев уже не было сил. Потому гастарбайтеры продолжали исправно хоронить православных.

Помню, как-то зимой отпевал усопшего. Гроб заносили и выносили из храма четверо похоронщиков: один наш и трое узбеков. Гроб внесли, а сами встали в тамбуре за стеклом, грелись и смотрели, как мы молимся. Один из узбеков тихонько прошел в уголок, прижался к теплой батарее и тут же уснул. Уснул и захрапел. В храме людей мало. Он храпит, и храп раздается под сводами. С одной стороны, мне неудобно перед людьми, а с другой – рабочего жалко. Он ведь не просто так уснул. Кивнул головой близким покойного, мол, как поступим? Те рукой – а, пусть спит. Не буди. Так и отпевали. Я еще подумал, как хорошо получилось: первое доброе дело в память об усопшем человеке.

Сегодня узбеков нет, уехали. Потому работают все больше наши ребята, и опять появились «заморыши». Вспомнил, как отпевали одного мужчину, бывшего военного. Сердечника и потому очень грузного. В конце жизни он весил килограммов сто сорок. Еще и гроб из дерева,

тоже нелегкий. Похоронщики все как на подбор худосочные алкоголики, хоть и молодые, а слабосильные. Как они вообще гроб до храма донесли? А как выносить стали, так на пути метров в пятьдесят два раза отдыхать останавливались. Помню, глядя на них, я еще подумал: «Начнут в могилу опускать, точно уронят. Да как бы их самих вслед за гробом не утащило».

Таких фирм, оказывающих ритуальные услуги, у нас несколько. Но в лицо из всех похоронщиков знаю всего человек трех-четырех. Слишком уж большая текучка кадров. Из них Андрюха самый опытный. С ним мы знакомы лет десять, и уже давно на «ты». Мужик он ответственный и надежный. Если народ решает проститься с усопшим на кладбище, то за соблюдение положенного ритуала можно не беспокоиться, за всем проследит и сделает как надо. Андрюха носит большой серебряный крест, подозреваю, что неслучайно. Он, единственный из всех своих коллег, кто может остаться на отпевание и помолиться. Входя в церковь, обязательно достанет из-под рубашки крест и поцелует. Во время отпевания стоит рядом со мной, периодически целует крест и сосредоточенно пыхтит, а пыхтит, потому что уже «принял на грудь». Однажды разговорились. Он мне:

– Нет, ну а что ты хочешь? На такой-то работе и не пить? Да я через месяц с ума сойду. А ты почему не пьешь? Столько лет с покойниками дело имеешь и не пьешь. Тебе что, совсем не страшно?

Стараясь оставаться серьезным, пожимаю плечами:

– Мертвых чего бояться, ты живых бойся. И потом, я вообще стараюсь не пить. Может, если бы и ты пил поменьше, то и бояться бы никого не пришлось.

– Нет, это ты зря. В нашем деле без вина никак. И еще вот, – он показал на свой крест, – стараюсь не пренебрегать «техникой безопасности».

Крест мне понравился – размером точь-в-точь как мой наперсный.

– Андрей, все хотел спросить. Скажи, почему твои парни так странно одеваются? Ты посмотри на них, кто во что горазд, ну чисто махновцы. – Он критически осмотрел своих подопечных. – Люди провожают в последний путь самых близких. Им хочется, чтобы все было как-то торжественно и со вниманием. Ведь не утиль закапываете, человека погребаете. А вы своим видом все только портите. Поговори с директором, пусть он придумает им какую-нибудь униформу. Хотя бы куртки одинаковые закупит. Передай ему, «батюшка просит».

Андрюха задумался, даже палец поднял, собираясь что-то сказать. Покрутил им в воздухе и глубокомысленно промолчал.

Как-то подсчитал, за пятнадцать лет служения я проводил в последний путь никак не меньше тысячи человек. Ученых, врачей, военных, педагогов, ветеранов войны, передовиков производства, поэтов, художников, рабочих, верующих и не очень. Каждый из них как мог прожил свою жизнь. Каждый учился, любил, рожал детей, ждал внуков. Каждый строил свой дом, радовался обновкам, покупал красивую мебель, ездил отдыхать на море или в санаторий. О чем-то мечтал, читал Ильфа и Петрова и, встречая Новый год, смотрел по телевизору «С легким паром». И всех этих людей, таких разных по положению, связям в обществе, воспитанию, достатку, объединило одно: в последний путь из храма на кладбище их увозила и закапывала в землю бригада алкашей в словно специально для этой цели подобранной несуразной шутовской одежде. И все с этим молча соглашались. Будто смерть есть дело постыдное и недостойное, чего не должно касаться живым.

Снова отпеваем. За гробом возвышается резная голгофа. Распятый Христос с предстоящими: Пресвятой Богородицей и апостолом Иоанном. Точная копия работы неизвестного средневекового мастера. Я знал того, кто резал для нас эту голгофу Вернее, резал он ее не для нас. Потому что мастер этот был дорогой, во всяком случае, наш деревенский храм ни при каких условиях не смог бы себе позволить такое распятие, да еще и с фигурами предстоящих. Так получилось, что один очень состоятельный благодетель заказал это распятие для своего храма, понадеявшись на вкус самого мастера. Тот открыл альбом средневековой западноев-

ропейской деревянной скульптуры и вырезал то, что легло ему на душу. Заказчик приехал, посмотрел и отказался: слишком чувственно. Но работа выполнена, и деньги уже заплачены. Тогда благодетель велел взять эту «неудачную» голгофу, отвезти и оставить в первом попавшемся восстанавливаемом храме. Мы и стали теми первыми.

Немного позже мастер приехал к нам и помог установить всю композицию. Я рассматривал распятие и не уставал поражаться таланту художника. Как тонко проработана каждая деталь, складочки одежд и выражение лиц. Внизу под самим распятием по традиции изображен символический череп Адама. Лобное место, на которое стекает исцеляющая род человеческий Кровь Сына Божия. Меня поразила достоверность работы мастера.

– Для того, чтобы так натурально вырезать череп, мне пришлось заняться анатомией и подробно изучать, как устроена человеческая голова. Все эти лобные, височные, теменные и прочие косточки. Обратите внимание, здесь даже каждый зуб соответствует своему анатомическому строению.

Несколько лет спустя мы уже по собственной инициативе обратились к мастеру и предложили ему вырезать для нас немного уменьшенную копию знаменитого Ростовского креста. У нас его еще называют «Годеновским», по наименованию крошечной деревушки, где он пребывает в храме, рядом с местом своего чудесного обретения в начале пятнадцатого века. Он согласился, и мы поехали посмотреть на крест. Мастер захватил с собой профессиональный японский фотоаппарат с большим объективом.

– Чтобы резать копию, нужно иметь подробное изображение деталей. И чем больше их будет, тем легче работать.

«Если, конечно, нам позволят сделать эти фотографии», – подумал я, но вслух ничего не сказал, рассчитывая, что в самом Годеново нам удастся приобрести какие-нибудь уже готовые изображения.

Проехав более двухсот километров, мы оказались в Годеново. Храм был открыт. Мастер подошел к кресту и долго смотрел на лик Распятого. Человек, вырезавший не одну голгофу, стоял и не мог оторваться от этого Лица.

– Вы сможете сделать что-то подобное?

– Не гарантирую, но постараюсь. Мне самому уже хочется это сделать.

Я подошел к монахине, что дежурила за свечным ящиком, и рассказал о цели нашего путешествия.

– Этот человек – мастер, таких мало. Он работал даже для храма Христа Спасителя в Москве. Помогите. Нам нужно сделать всего несколько фотографий Ростовского креста. Мы хотим для нашего храма заказать мастеру его чуть уменьшенную копию.

– Хорошо. Я сейчас позвоню и спрошу благословения у матушки.

К моему удивлению, нам не только позволили сделать несколько снимков, но даже открыли ради этого стеклянный шкаф, в котором хранится крест. Для меня это стало настоящим чудом.

Вернувшись домой, я решил не беспокоить мастера своими звонками, понимая, какую мы ему задали задачу. Сказать трудновыполнимую – значит ничего не сказать. Будучи в Годеново, я все пытался понять, в чем причина притягательной силы этого распятия? Ведь не первый раз сюда приезжаю, всякий раз стою и не могу оторваться.

Глаза – непонятно, закрыты или полуприкрыты. Непостижимая надмирность при всяком отсутствии чувственности. Полная противоположность тому первому образу Спасителя, который вырезал мастер для нашего храма. Совершенный покой. Как тот древний мастер сумел его передать? Я, священник, не могу разгадать тайну Годеновского распятия, а как быть современному художнику, человеку от церкви далекому? Много раз я видел отражение этого покоя на лицах усопших христиан. В момент, когда лицо принимает выражение лика, я вспоминал Лик с Годеновского креста, но от этого тайна не переставала оставаться тайной.

Через месяц он сам позвонил и сказал, что наш заказ готов.

– Я «заболел» этим распятием и больше ничем не мог заниматься. Вчера только закончил. Отложил резец и заставил себя уйти. Утром встал – сразу в мастерскую. Посмотрел и понял: все, работа завершена. Теперь любое прикосновение к фигуре Христа пойдет только во вред.

Вот уже десять лет копия креста из Годеново установлена у нас в летнем храме. Все эти годы не устаю удивляться, как ему удалось это сделать?

На днях пришло известие: мастер умер. Неожиданно загорелось его любимое детище, его мастерская. От мастерской огонь перекинулся на дом. Мастер увидел, как огонь пожирает его дом, и сердце разорвалось.

Смотрю на похоронщиков. Андрюха, на удивление трезвый, и опять новые лица. Зато ребята все как на подбор, гренадеры ростом под метр девяносто. Не алкаши какие-нибудь, давно я таких красавцев не видал. Это все благодаря кризису. Они усопшую старушку в храм точно перышко занесли. Рассматриваю, умиляюсь, и мой взгляд падает на широкие спортивные шаровары одного из сотрудников погребальной фирмы. А на них во всю ширину штанины пропечатан огромный человеческий череп белого цвета. И такое впечатление, как будто у этого черепа имеется шея, и эта шея закутана в широкий мягкий шарф. Черепу тепло, он смотрит на меня и улыбается довольной улыбкой.

Подумал, наверняка и нашего мастера Андрюшины ребята закопали. Их спроси, они и не вспомнят. А этот белый череп на штанах, кутаясь в теплый шарф, с довольным оскалом смотрел на его гроб... Для меня Андрюха со своей бригадой не просто могильщики, они словно символ неизбежности, как черта, подводящая окончательный итог. И пускай мы будем в страхе шарахаться от Андрюхи, а Андрей бояться нас и защищаться серебряным крестом, никуда нам друг от друга не спрятаться и не убежать. Так и живем, в отчаянном ожидании неизбежной встречи с тем, кто, откровенно торжествуя, всматривается в нас пустыми глазницами ухмыляющегося черепа, пригревшегося на штанах у похоронщика. От его оскала не спастись, кроме как, подойдя к кресту, ухватиться за него, припасть и уже никогда не отходить. Тогда у этого, который кутается в шарф, слетит привычная глумливая улыбка, и ему станет по-настоящему холодно.

Мастер. Последние десять лет мы с ним не виделись, и я не знаю, как сложилась его жизнь после той встречи с Годеновским крестом. Разгадал тайну распятия и прошел мимо? Или все-таки остался?

Подхожу к парню в шароварах и тихонько спрашиваю:

– Это что же, Андрюха вам спецодежду приобрел?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.